

Г. Светлова

Тот ещё
подарочек

У деловой леди, Вероники, вся жизнь расписана по строгому графику, отступить от которого нельзя ни на минуту, а к неудачам успешная красотка с комплексом отличницы не привыкла с детства. Только вот судьба подготовила ей под Новый Год множество испытаний: крах карьеры, проблемы в личной жизни, да еще и досадный дорожный инцидент, в результате которого в ее такую правильную жизнь безумным ураганом врывается дерзкий, непредсказуемый мальчишка, Макс. Он полон страсти, избалован женским вниманием и ни перед чем не остановится, чтобы получить желаемое. Макс ненавидит правила и обожает импровизировать. А еще он вор, провокатор, шантажист, авантюрист, альфонс и убийственно потрясающий любовник. В общем... тот еще подарочек!

Глава 1

Час пик в метро — мое время. Я всегда любил толпу больших городов. В ней мне проще быть собой, думать о разных вещах, пользоваться всей палитрой чувств со всеми ее богатыми оттенками, заставлять работать инстинкты, ощущать себя свободным ото всего и независимым ото всех. Наверное, толпа — мой личный наркотик, позволяющий подпитываться чужой энергией. Может, я энергетический вампир? Черт его знает... В принципе звучит неплохо... особенно если учесть, что не такой уж я романтик, как может показаться, ведь в первую очередь я ворую не чужую энергию, а чужие кошельки. Обыкновенный карманник. Хотя, если верить некоторым милым девушкам, знакомым со мной поближе, то я, по их мнению, очень даже необыкновенный, очаровательный, милый и даже... обалденный... Конечно, я хорош в своем деле, так как еще ни разу по-крупному не попался, но, сдаётся мне, они все-таки имеют в виду что-то другое... Да, такой уж я очаровашка, ничего не попишешь. Порой сам удивляюсь, как мне так многое сходит с рук.

Возможно, кому-то будет любопытно узнать, как я до такого докатился, почему не зарабатываю деньги честным путем, куда смотрят мои предки и почему ушла в бессрочный загул моя бдительная совесть. Тут, пожалуй, долго рассказывать не придется. История — банальней некуда. Папаша мой — простой деревенский алкаш, поэтому у него всегда было, чем заняться вместо воспитания своего непокорного отпрыска. Впрочем, были времена, когда нам с мамой прилично от него доставалось, так что едва ли я когда-нибудь приду на его могилу с пламенными речами и слезами, застывшими в глазах. А мама... она очень хорошая, даже слишком... привыкла пахать за копейки, стоически сносить все, что бы ни выпало на ее нелегкую долю, во всем быть честной и верить в то, что судьбу свою не изменишь, ведь наш мир придуман не для простых тружеников и наивных мечтателей из дальнего Замкадя, а для больших и серьезных людей, которые этим миром и распоряжаются по праву. Довольно жестокая и безрадостная теория, не думаете? Но в принципе я с ней согласен. Выживает сильнейший, то есть тот, кто берет свое, когда захочет, и ни перед чем не остановится. Ой, только не будьте ханжами! В свое оправдание могу сказать, что только благодаря своему таланту я здесь, в столице нашей славной родины, учусь в престижном ВУЗе, снимаю приличную однушку в комфортабельном районе, модно одет, оснащен современными гаджетами и трахаю красивых девочек, потому что могу себе позволить их выгуливать. Правда... иногда за их же собственный счет... Но только они об этом не знают, поэтому не возражают и как правило остаются довольны. Конечно, если не влюбляются.

Вы наверняка подумали, что я крайне беспринципная тварь, и отчасти будете правы. Только даже у такого, как я, есть свои принципы, свой кодекс, так скажем. Почти как у Декстера. Какие времена, такие и кодексы, скажу я вам. Чего еще ожидать от мира, в котором маньяки становятся любимчиками миллионов телезрителей? Что же касается меня, так я никогда не граблю пенсионеров и несовершеннолетних, а также людей, которые выглядят не достаточно респектабельно или чересчур беспомощно. Хотел бы назвать себя славным Робинотом Гудом, но, боюсь, язык не повернется, ведь я никогда ни с кем не делюсь, не помогаю бедным и сам мечтаю когда-нибудь стать богатым. Думаю, в будущем с дипломом экономиста в кармане и с продажной душой за пазухой у меня есть шансы кое-

чего достичь относительно законным путем. Еще я специализируюсь только на наличке. С ней проблем меньше. К тому же я предпочитаю работать в одиночку, без участия третьих лиц, а с банковскими картами или ценностями вроде часов и ювелирки это было бы проблематично.

Одна знакомая, которая учится на психолога, как-то сказала мне, что у меня синдром одиночки, потому что я не умею доверять людям. Она считает, что виной тому — какая-то психологическая травма в моем детстве. Знаете, я этих заумных психологов на дух не переношу — всё лезут к каждому в душу и пытаются ее разгадать, надавив побольнее, хотя на самом деле просто пытаются блеснуть своей интуицией и жизненной мудростью, ну и тешат свое непомерное самолюбие, конечно. Чувствую это все. Если хорошенько приглядеться, то в мире каждый второй травмированный, и все равно все люди разные — трудности на каждом сказываются по-своему. Кто-то быстро ломается или становится мягким, как пластилин, а кто-то учится выживать и выигрывать. Я предпочитаю последнее и никогда не беру на себя ответственность за других, потому что люди привязываются и быстро мне надоедают, да еще склонны чаще не помогать, а утягивать за собой в пропасть. Чужая помощь мне вообще ни к чему — ненавижу быть обязанным кому-то.

Еще один из законов всякого здравомыслящего преступника — не гадить там, где живешь. В моем случае это означает — не запускать свои алчные руки в карманы собственных однокурсников, соседей и прочего близкого окружения. Репутация — штука важная. Береги честь смолоду, как говорится. Так что для «своих» — я рубаха-парень, веселый разгильдяй, всегда готовый потусить и расслабиться, но при этом такой весь из себя загадочный, потому что никогда не рассказываю о своей личной жизни, никого не привожу к себе в дом, не распространяюсь о семье, о доходах и прочей строго конфиденциальной информации. Можно было бы, конечно, сочинить какую-нибудь красивую легенду, но только главная проблема всех легенд, даже очень убедительных, — они никогда не выдерживают конструктивной критики в сравнении с самой невероятной правдой, особенно если ты не голливудский Джеймс Бонд. Не хочу быть пойманным на какой-нибудь незначительной мелочи, не хочу случайно завратиться, не хочу выглядеть идиотом и подвергнуть риску свою весьма шаткую жизненную позицию. По той же причине я никогда не трахаю однокурсниц, да и вообще не встречаюсь с одной девушкой больше пары месяцев, ведь девчонки имеют ужасно противную привычку — постоянно совать свой нос, куда не следует, особенно в твою голову и в твою душу, а потом еще пытаются навести там идеальный порядок. Ничего нет хуже девчонки, которая знает, что ты ею покорен.

Собственно, вот и вся моя подноготная. Все это немного экстремально на первый взгляд, но я уже привык. Стараюсь всерьез не думать о том, что будет, если меня поймают. Конечно, тогда все пойдет прахом, и я скачусь на самое дно. Только вот если я остановлюсь, на том же самом дне я окажусь гораздо быстрее. По сути мне нечего терять. Я видел много историй про таких как я провинциальных лоботрясов без роду, без племени. В лучшем случае их ждала судьба простых трудяг, которые быстро надрывались, особенно когда обременяли себя женой и парочкой спиногрызов. В худшем случае они спивались, снарккоманивались или по глупости получали статью, еще не успев достичь совершеннолетия. В общем, это не мой вариант. предпочитаю с оптимизмом смотреть в будущее и не унывать.

Кстати, сегодня двадцать четвертое декабря, а, значит, предновогодний сезон охоты в полном разгаре. Дело в том, что накануне праздников у моей клиентуры всегда водятся

крупные денежки, что не может не радовать. Праздник ведь для всех должен быть праздником. Дед Мороз старательно заботится обо всей своей пастве, даже об очень плохих мальчиках вроде меня. Прости меня, дедуля, ибо я согрешил и не собираюсь останавливаться на достигнутом.

Сегодня я решил поохотиться на Таганке. Здесь мне почему-то больше везет, чем на других станциях, но промышлять в одном и том же месте слишком часто — не разумно, поэтому тут я появляюсь не чаще одного раза в два месяца. На платформе полно народу, так что в поезде будет не протолкнуться, а, значит, жертву лучше наметить заранее. Окидываю взглядом разношерстную толпу: у самой линии безопасности в ожидании поезда стоит премилое создание в норковом полушубке и с изящной кожаной сумочкой через плечо. Если особо не вглядываться, то девушка не так уж броско одета, норковой шубкой сейчас в Москве мало кого удивишь. А вот сумочка заслуживает моего внимания — это Valentino, к тому же из последней коллекции. Ох уж эта мне столичная ярмарка тщеславия... даже до подземного царства метро добралась... Будем надеяться, что наша модница располагает наличкой. Незаметно сканирую все ближайшие окрестности на предмет опасных для меня бдительных личностей, сотрудников метрополитена или полиции, а затем пристраиваюсь позади своей клиентки, самозабвенно тыкающей в iPhone. Кстати, хорошенькая и пахнет очень вкусно и дорого. Пожалуй, с такой можно и пофлиртовать. Флирт — это, конечно, риск, но иногда я позволяю себе полихачить. Вот скольких девочек так обобрал, просил телефончик, приглашал пару раз на свидание, и ни у одной ни разу не закралось подозрение, кто именно мог украсть в тот день ее кошелек. Я не только хороший карманник, но еще и обаятельный, зараза. Короче красавчик. От этой мысли губы невольно расплываются в злорадной дьявольской улыбочке, но я беру себя в руки.

Мою девочку толпа почти что вносит в вагон, собственно, как и меня. Мы неловко протискиваемся к противоположной двери, стараясь дотянуться до поручня, и я будто бы случайно оказываюсь прямо у нее за спиной. Нос приятно щекочет аромат ее духов, наэлектризованные светлые колечки ее локонов липнут к моей черной дубленке и меховой опушке на воротнике. Тепло ее тела, согретого норкой прекрасной выделки, проникает сквозь толстые слои зимней одежды и вызывает целый ворох пошлых мыслей. Не подумайте, я не извращенец, но адреналин от опасности, которой я подвергаю себя в такие моменты, и близость красивой девушки делают свое дело и чувствительно бьют по яйцам. Когда имею дело с такими миленькими клиентками, у меня почти всегда эрекция.

Поезд слегка дергается, и я наваливаюсь на нее чуть сильнее, чем реально требовалось, чтобы удержать равновесие. Она даже ненадолго отвлекается от переписки в VK на iPhone и слегка поворачивает голову, чтобы посмотреть, что за увалень посмел потревожить Ее Высочество. Я на голову выше нее, так что видит она лишь мое плечо, а чтобы увидеть лицо, нужно быть чуть смелее и поднять вверх глаза. Бесцеремонно наблюдаю, как она на автомате прокручивает на экране чью-то ленту, причем уже явно начинает нервничать, так как при любом покачивании поезда наши тела чувствительно притираются друг к другу. Я замечаю, как начинает алеть ее ушко и щечка, и, чтобы окончательно выбить ее из колеи, протягиваю правую руку к поручню, чтобы слегка ее приобнять. Попалась, мышка! Девушка обеспокоенно вертит головой, но не видит спасения. Наши руки держатся за один поручень, и я намеренно делаю так, что они соприкасаются. Наконец она не выдерживает, резко поворачивается ко мне боком и поднимает лицо.

Момент истины, моя девочка.

На пару мгновений ее глаза смотрят в мои гневно и с вызовом, зрачки тут же расширяются, но затем взгляд ее смягчается, пробегает по моим волосам, опускается на мои губы, очерчивает линии скул, подбородка, шеи, снова возвращается к глазам, и невысказанная грубость так и не вылетает из ее соблазнительного ротика.

— Извините, — обезоруживающе улыбаюсь я. — Я не нарочно.

— Ничего страшного, — поспешно мотает головой она.

— Хотя нет. Вру, — тут же нагло ухмыляюсь я и слегка закусываю нижнюю губу. — Я все специально подстроил, чтобы Вас соблазнить.

— Как приятно иметь дело с честным соблазнителем, — не теряется она и очень мило смеется, часто хлопая ресничками. Красотки всегда с готовностью принимают признания как должное.

Поезд дергается, и на этот раз я уже открыто придерживаю ее рукой, слегка разворачивая к себе лицом. Она, конечно, из приличия пытается отстраниться, но я этого не позволяю.

— Будет очень нагло, если я срочно попрошу у Вас номер телефона? — слегка склонив на бок голову, я заглядываю ей в лицо. — Дело в том, что мне выходить на следующей станции, а я не уверен, что смогу спокойно просидеть в офисе весь день, зная, что меня отшила такая красотка. Наверняка нагрублю клиентам, наделаю кучу ошибок в отчетах, задержусь на обеде и в итоге получу пару выговоров от начальства.

— Ну как тут не сжалиться... — вся пылая, но не теряя достоинства, весело шутит моя богатенькая принцесска, и голос ее теплеет с каждым словом, потому что я буквально пожираю взглядом ее губки и облизываюсь. — Плюс семь, девятьсот три, семьсот четырнадцать, сорок четыре, четырнадцать, — взволнованно диктует она.

— Крутой номер. Запомню. Я уже успел рассказать, что у меня феноменальная память на цифры? — меня одаривают чарующей улыбкой в ответ и легким взлетом бровей с мягким упреком. — А имя?

— Надя.

— Надежда... Вы знаете, что надежда — это то, чем никогда нельзя пресытиться?

— Теперь буду знать, — тает она, но поезд уже замедляет свой ход перед остановкой, и нам пора прощаться. Моя рука, туго обтянутая тонкой эластичной перчаткой, как раз выныривает из ее модной сумочки с увесистым кожаным кошельком и исчезает в кармане моей дубленки.

— Позвоню тебе сегодня вечером, — обещаю я очень доверительно и отворачиваюсь. Двери открываются, и я начинаю пробираться к выходу, снова смешиваясь с толпой. Только в этот момент какой-то отвратительный грубый голос прерывает всю эту идиллию, и чья-то железная рука стискивает мертвой хваткой рукав моей дубленки, удерживая меня на месте в неумолимом людском потоке.

— А ну стой, сволочь! — рявкает голос. — Девушка, этот урод у Вас только что кошелек из сумки вытащил!

— С ума сошли?! — неподдельно возмущаюсь я и дергаю изо всех сил руку. Вырваться сразу не удастся, но я дергаюсь еще сильнее, распикивая в стороны незадачливых пассажиров и совершая мощный рывок ко все еще открытым дверям поезда.

— Осторожно, двери закрываются, — сообщает приятный женский голос. У меня еще есть 2–3 секунды, и этого оказывается достаточно, чтобы я выбрался на платформу до того, как за спиной со стуком сдвинулись двери. Оглядываюсь и мельком успеваю заметить

растерянное лицо своей жертвы. Прости, куколка, нам могло бы быть очень хорошо вместе, но какой-то козел все испортил. Мысленно ставлю черные крестики на Таганке и на Павелецкой на полгода. Делаю пару шагов и чувствую, что ноги предательски дрожат, а сердце колотится как у зайчишки, попавшегося в капкан. Медленно выдыхаю, продолжая волочить ноги, воровато стреляю глазами по окрестности, но никому нет до меня дела. Собираюсь с силами, крепко сжимая в кармане свою добычу, расслабляюсь и тут же врезаюсь в чью-то каменную тушу, вдруг выросшую на моем пути.

— Даже не думай сбежать, скотина! — вопит туша и хватает меня за грудки, оттесняя в сторону и вдавливая спиной в мраморную колонну. Ого, вот это силища! Аж в глазах потемнело.

— Ты че, больной! — зло выплевываю ему в рожу и пытаюсь вырваться.

— Пасть закрой! И давай двигай. Я тебя не выпущу, пока не сдам в полицию. Так что даже не думай брыкаться, чмошник. — Громила грубо разворачивает меня, нещадно жамкая в своих лапищах мою многострадальную дубленку, между прочим фирменную и совсем не дешевую, хоть и купленную в дисконте. К тому же еще и чмошником назвал! Я фигею с этого парня! Он вообще не думает, что я тоже могу выйти из себя? Получив еще один тычок в спину, делаю шаг вперед, хотя на самом деле принимаю удобную стойку с упором на левую ногу, резко разворачиваюсь и со всего маху бью этого придурка в морду. Кажется, даже замечаю, как из подбитого глаза летят искры, но любоваться этим фейерверком времени особо нет, поэтому, как только чувствую, что его тиски разжались, толкаю его в грудь и развиваю максимальную скорость, возможную в этом малоуправляемом человеческом стаде. Конечно, приходится поработать локтями, и это мало кому нравится.

Тот хрен с горы, кажется, упал после моего удара и толчка, но уже поднялся и понесся за мной вдогонку. Вот же упертый, зараза! Чертов супермен! Кое-как продираюсь к эскалатору сквозь пинки и недовольные окрики, но на нем уже включаю вторую космическую и взлетаю вверх по ступеням, чертыхаясь и матерясь про себя, как пьяный матрос. Наверху притормаживаю, перевожу дыхание и оглядываюсь. Ну ни фига себе! Этот псих не отстаёт! Дался я ему... бывают же такие борцы за правду... Через турникеты прохожу без всякой спешки, чтобы не привлечь к себе внимание контролеров и сотрудников полиции, которых на кольцевых станциях сейчас развелось как тараканов, не говоря уже о вокзалах. Слава богу, что инстинкт воришки сам вывел меня к противоположному выходу с Павелецкой, не к Павелецкому вокзалу, а на Зацепский Вал. Жаль, что расцвет моей воровской карьеры не пришелся на времена, когда в метро работали лишь безобидные бабули.

Как только оказываюсь в переходе, натягиваю на голову капюшон с широкой опушкой и прячу лицо от камер. Иду быстро, но на бег перехожу только на ступеньках на выходе в город. Черта с два я сдамся этому маньяку! На улице пускаюсь во всю прыть, даже не оглядываясь, пока не сворачиваю в ближайший переулок. Там на ходу стягиваю с себя черную дубленку, выворачиваю ее наизнанку и снова натягиваю светлым мехом наружу. Тот еще видок, но мне сейчас не до мелких деталей. Из кармана, теперь уже внутреннего, вытягиваю украденный кошелек, раскрываю в трепетном предвкушении. Бинго! Тридцать кусков! Спасибо, любовь моя, Надежда! Целую купюры и снова прячу в карман, а кошелек выбрасываю в ближайшую мусорную урну. Перчатки наконец-то можно снять. После всей этой беготни с меня льет в три ручья, но на морозе дышать легко и приятно. Кутаюсь в свой охренительно модный «полушубок», слабо надеюсь, что на гея я все-таки не смахиваю. Хотя

какая разница? Лишь бы пронесло! Давненько у меня не было такой веселенькой предпраздничной вылазки. Откуда только этот урод взялся? У самого рожа за решетку просится. На миг закрываю глаза, выдыхаю, разворачиваюсь и смело иду в обратном направлении. Переулок немногочислен, и до следующего поворота не скоро, так что лучше уж встретиться с врагом лицом к лицу, чем сверкая пятками. Едва ли он меня узнает. Главное наглости побольше.

Вернувшись на Зацепский Вал, беззаботно оглядываюсь по сторонам, и чувствую, как меня снова пробирает холод: в моем направлении бежит этот козел в сопровождении двух полицейских. Делаю вид, что осматриваюсь в поисках названия улицы, кручусь на месте как тупой турист и в итоге решаю топтать в противоположную от метро сторону. Фух! Вроде, пронесло. Ищейки сворачивают в переулок, из которого я только что вышел. Топая к пешеходному переходу, периодически оглядываясь через плечо и теперь уже пытаюсь анализировать, что же я упустил, если этот кретин стал свидетелем моего постыдного правонарушения. Еще размышляю о том, что в универ идти резко расхотелось. Мне бы до дома добраться и там немного отойти и все обдумать. Ступая на пешеходный переход и проходя мимо какого-то красного минивэна, снова оглядываюсь, успеваю заметить какое-то движение слева, затем следует короткий удар в бедро, меня подхватывает и, кажется, закидывает на капот какого-то автомобиля. Он резко тормозит, а я, скользя и переворачиваясь, пытаюсь ухватиться за что-нибудь, чтобы не упасть, но ногти скребут по ледяному металлу, и я со всего маху падаю под колеса навзничь. Пиздец, как мне сегодня не везет! Голова идет кругом, и я даже не могу понять, больно мне или нет. Только лежу и пялюсь по сторонам, пытаюсь оценить обстановку. Кажется, я все-таки цел, и у меня ничего не сломано.

Прохожие останавливаются и что-то спрашивают, но я отмахиваюсь и говорю, что все нормально. Из автомобиля выныривает какая-то дамочка. Ну кто бы сомневался! Кое-как приподнимаюсь, опираясь на локти, мотаю головой, чтобы прийти в себя и уже собираюсь обmaterить приближающуюся ко мне автоледи, как взгляд вдруг натывается на офигенские стройные ножки, кажущиеся совсем голыми в полупрозрачных колготках и обутые в элегантные черные туфельки с острыми носиками и на фантастически высоких шпильках. Черная классическая юбочка-карандаш оставляет возможность любоваться идеальными узкими и при этом округлыми коленями. Пиджачок-стрейч надет на голое тело, во всяком случае ничего, кроме лифчика, под ним точно нет. Зато как он облегает тоненькую талию и очень впечатляющую грудь, украшающую скромное, но все же далеко не пуританское декольте! Блин, да там, кажется, третий размер, не меньше! Изысканный распахнутый янтарно-рыжий полушубок из лисицы искрится под лучами зимнего солнца, и каждая искра — как бриллиант на миллион долларов. На нежной белой ручке поблескивают изящные золотые часики. Ноготки выкрашены в темно-бордовый цвет, как лепестки черной розы. Сглатываю и поднимаю глаза. Медового цвета волосы собраны в большой аккуратный пучок на затылке, но одна золотая прядь прочертила плавную дугу по нежной розовой щечке. Цвет волос бесподобно гармонирует с солнечным оттенком меха, роскошными волнами охватывающего тонкий девичий стан. Сладко пухлые губки распахнуты в ужасе, как и подведенные черными строгими стрелочками оливковые глаза. В последний миг бросаю взгляд на сумочку от Prada и снова падаю на промерзший асфальт, прилично треснувшись головой. «Девушка моей мечты! Спасайте меня, мэ!»

Спокойствие, Ника! Только спокойствие! Конечно, опоздания минут на тридцать-сорок не избежать, но это вовсе не катастрофа. За ночь выпал снег, как всегда неожиданно для конца декабря, так что вся Москва намертво застряла в пробках. Застрял где-нибудь на пути в офис и шеф, и его зам, и наши юристы, не говоря уже об этом назойливом представителе аудиторской компании, которая шерстит нашу фирму уже около двух недель и не дает мне покоя ни в рабочее время, ни в выходные. Вчера я вырвалась из офиса только в половине двенадцатого выжатая как лимон и еле-еле добралась до постели в час ночи. Не может же этот Мистер Пунктуальность, Сергей Федорович Глухих, совсем не спать и перемещаться по воздуху? Наверняка он тоже опаздывает и тоже волнуется или даже взбешен, если, конечно, такие как он вообще способны испытывать хоть какие-нибудь эмоции. Похоже, кроме цифр его больше в жизни ничего не интересует, а с такими кадрами труднее всего иметь дело. Когда на человека не действует не то что юмор наших айтишников, но даже мое женское обаяние и мой профессиональный перфекционизм, я, честное слово, теряюсь и начинаю паниковать. Работа работой, но зачем, спрашивается, портить всем предновогоднее настроение своей кислой миной, мелкими придирками и высокомерными манерами?

В сумочке вдруг раздается шорох от вибрации мобильного и назойливый звон. Я поспешно проверяю время по часам на приборной панели, после чего разочарованно закатываю глаза и тяжело вздыхаю. 9:25. И наш нестигаемый аудитор скорее всего уже на месте, а главного бухгалтера, то бишь меня, на месте нет. Нехотя беру трубку.

— Да, Сергей Федорович. Доброе утро! Я поняла. Все поняла. Буду минут через.. тридцать. Извините, пробки... Конечно! Еще раз извините.

Едва успеваю сбросить звонок, как меня заставляют вздрогнуть новые телефонные трели. На экране мобильного высвечивается имя шефа. Заранее делаю глубокий вдох прежде чем снять трубку.

— Вероника Александровна, почему Вас до сих пор нет на рабочем месте? — в его нарочито сдержанном низком голосе слышится ярость. Если честно, в такие моменты я прихожу от него в неопишуемый трепет, и мне ужасно хочется промурлыкать ему что-нибудь пошное и ласковое в ответ, но, когда он раздражен и всецело озабочен работой, подобное поведение чревато, поэтому приходится прикусить язычок и отвечать по всем канонам субординации. Впрочем, я все равно изо всех сил стараюсь, чтобы голос звучал чувственно и немного с придыханием.

— Владимир Игоревич, не волнуйтесь, пожалуйста. Я просто не посмотрела заранее прогноз погоды. Нужно было выйти пораньше, а...

— Вы хоть в курсе, что все уже в сборе, кроме Вас? — перебивает меня до умопомрачения сексапильный и властный голос. — Вы понимаете, на какие риски я пошел, доверив Вам эту должность? Мне нужны результаты, а пока что у нас только куча проблем, связанных в том числе с Вашей некомпетентностью.

— Моей... некомпетентностью..? — прихожу в ступор я, чувствуя, как сердце пропускает пару ударов. — Что это значит?

— Боюсь, аудиторы подготовили не слишком лестное заключение для нашей компании. Вот что это значит. Естественно, мы устраним все недочеты в ближайшее время, но для этого Вы должны быть на работе, а не черт знает где!

— Володя... ничего не понимаю... — совсем теряюсь я, пытаюсь давить на личное.

Неужели произошло то, чего я больше всего боялась? Я взяла на себя слишком многое, не подумав о последствиях? В чем... в чем я прокололась?! — Уверена, там ничего серьезного и мы все уладим! Пожалуйста, не паникуй.

В ответ слышу только саркастическое хмыканье, а еще хлопанье двери. Видимо, шеф вышел из зала переговоров, чтобы поговорить со мной наедине.

— Знаешь, солнышко... — зло и насмешливо продолжает он ядовитым полусшепотом. — В какой-то момент я правда поверил, что ты не только непревзойденная любовница, но еще и первоклассный специалист, на которого можно положиться в серьезных вопросах. Твой диплом и послужной список впечатляли, хотя теперь я уже не уверен, что впечатлился я именно этим. Ты сама-то хоть понимала, на что шла, до последнего строя из себя юное дарование, или амбиции так ослепили, что просто заигралась в...

— Они что, вскрыли нашу схему? — прерываю я этот гневный поток, вся леденя под своим роскошным меховым полушубком, кстати, подаренным шефом. Каждое его слово ранит, как лезвие, но сейчас не время для сентиментальности.

Меня оглушает напряженная пауза, как тишина перед смертоносным штормом.

— Чтобы через пять минут была здесь! — рывкает он наконец. — Надеюсь, ты сама во всем разберешься, а я с удовольствием выслушаю твои объяснения!

Звонок сброшен, руки на руле трусливо дрожат, и я, кажется, на время потеряла ориентацию в пространстве, потому что сзади кто-то начал неистово сигналить, затем обгонять по встречке, продолжая давить на клаксон, и, кажется, размахивать руками и распекать меня последними словами. Усиленно делаю вид, что ничего не замечаю, беру себя в руки и набираю скорость, хоть и не надолго. Проехать удастся всего метров двадцать, и поток вновь замирает, не успев проскочить на быстро потухший зеленый. Твою же мать! Ожесточенно бью по рулю.

Как же так получилось, что вся моя идеально продуманная до самых мельчайших деталей жизнь вдруг повисла на волоске? Что-то не припомню, чтобы меня еще когда-нибудь постигал подобный кризис. Всё всегда казалось таким непоколебимым, таким гармоничным, таким правильным и потому гарантирующим успех на сто процентов! Старательно убеждаю себя в том, что все это обычная предновогодняя хандра, как у всех, и еще стресс из-за этой дурацкой плановой аудиторской проверки. Даже Володя стал совсем чужим, ожесточенным и раздражительным в последние две недели. Только вот вспомнить времена, когда со мной еще происходило бы нечто подобное, не могу. Обычно я не опаздываю, не совершаю роковых ошибок, не выслушиваю постоянные упреки в свой адрес, не чувствую себя такой виноватой, несмотря на то, что выкладываюсь по полной!

В последнее время я постоянно чувствую себя не в своей тарелке, ежедневно в себе сомневаюсь. Возможно, если бы у меня было больше опыта работы в крупных серьезных компаниях, меня бы не одолевало неприятное ощущение, что я ступаю по канату над пропастью без страховки, когда любая остановка и любая попытка оглянуться назад могут привести к полному краху. Но мои дурацкие амбиции не позволяют мне отступить перед любыми трудностями, и они же вынуждают постоянно двигаться вперед, беря все новые высоты. Идеальная бизнес-леди, всегда готовая в точности исполнять все, что было занесено в ее плотный график. Особыми отдельными пунктами вот уже полгода там шли действия довольно развратного и провокационного характера по соблазнению и ублажению женатого красавчика-шефа, в которого я была влюблена буквально с первого дня нашего знакомства во время личного собеседования при приеме на работу. Все это казалось такой пьяняще

опасной и увлекательной игрой, в которой я ощущала себя всемогущей богиней любви и обольщения! И что же теперь...

Бросила на себя беглый взгляд в салонное зеркало автомобиля, аккуратно поправила выпущенный из безупречной прически локон, на миг сжала губы, чтобы убрать лишний блеск от помады, повертела головой, разглядывая идеальный легкий и освежающий макияж, полюбовалась новым маникюром. Внешне и не скажешь, что я на грани нервного срыва, только пальцы слегка подрагивают. В очередной раз притормаживая из-за образовавшейся пробки, нетерпеливо покусала губку. Дурацкая привычка! Тут же поспешно запустила руку в сумочку в поисках помады. Как бы там ни было, всегда нужно оставаться на высоте.

Новый телефонный звонок уже вызывает не столько панику, сколько раздражение. Привычная реакция моих механизмов самозащиты. На этот раз звонит папа. Папа? Ему-то что нужно в такое время? Поднимаю трубку уже готовая ко всему.

— С днем рождения, лисичка! — слышу его ласковый голос. Господи! С этой безумной работой я, кажется, обо всем на свете забыла!

— Спасибо, папуля! — с небольшим запозданием и несколько растерянно отвечаю я. Но папа не настолько чувствителен, чтобы улавливать оттенки моего настроения в голосе.

— Надеюсь, догадываешься, чего я собираюсь тебе пожелать?

— Приблизительно, — улыбаюсь я, хотя, конечно, знаю, о чем он.

— Ну, что ж... Буду как всегда предсказуем. Ты меня знаешь. Желаю, чтобы ты никогда не останавливалась на достигнутом. У тебя есть все, чтобы добиться самых высоких целей. Не слушай никого, кто считает иначе. И хочу, чтобы ты знала, я всегда буду в тебя верить и тобой гордиться.

— Спасибо, пап... Я тебя люблю... — только и могу вымолвить я, потому что глаза начинает предательски щипать. Чего уж говорить, я — папина радость и гордость, особенно с тех пор, как год назад получила должность главного бухгалтера в приличной компании в 26 лет. В основном потому, что он не в курсе, каким путем я ее получила. Володя — не самый лучший эпизод моей биографии, ведь я точно знаю, что он никогда не разведется со своей женой. Она — более выгодная партия, и у них двое детей. А я — амбициозная выскочка, эффектная, конечно, и не глупая, с золотой медалью и красным дипломом, но без многомиллионного состояния и привыкшая рассчитывать только на свои силы. Как бы не вышло так, что этот последний кусок оказался мне не по зубам.

— Я тоже тебя люблю, лисичка. Но... не буду многословным... — поспешно прерывает разговор мой бедный папа, который уже привык, что мне вечно не до болтовни. — Знаю, что ты как всегда занята. К тому же мать тут у меня уже трубку вырывает, так что пока что прощаюсь с тобой. Будь умницей. Надеюсь, увидимся в новогодние праздники.

— Хорошо, пап. Спасибо еще раз!

— Привет, моя хорошая! С днем рождения! — мама как всегда сама чуть не плачет от избытка чувств. Ох, мне сейчас совсем нельзя расклеиваться, но родители всегда умеют заставить меня почувствовать себя маленькой, слабой и ужасно в них нуждающейся. Особенно из-за неприятностей последних двух недель так и тянет все бросить и рвануть к ним, чтобы там выплакаться в маминых объятьях, отоспаться в своей давно покинутой детской комнате, забыться и почувствовать себя беззаботной и обожаемой принцессой и, конечно же, на время отказаться от голодных диет и изнурительных тренировок в спортзале. Кажется, образ безупречной бизнес-леди слишком дорого мне обходится.

— Спасибо, мамочка! — радостно восклицаю я и расплываюсь в сияющей улыбке.

— Только даже не мечтай, что буду желать тебе успехов в карьере, — тут же строго замечает мама, которая как раз в курсе моих приключений на любовном фронте и совершенно их не одобряет. — Доченька, единственное, чего я тебе по-настоящему желаю, так это любви! Чтобы ты встретила своего человека и была счастлива и любима! Порадуй нас наконец-то внуками!

— Ох, мам... — тяжело вздыхаю я, но на сей раз возражать не смею. Не та ситуация, да и права она, пожалуй... Чего стоят все мои нынешние достижения, если все они висят на волоске и зависят от воли одного единственного человека, который... который, кстати сказать, совершенно забыл о моем дне рождения... — Ты права во всем, — с печальной улыбкой соглашаюсь я. — Пора мне... братья за ум. Спасибо за пожелания!

— Рада это слышать, но... у тебя что-то случилось? — встрепелась она вдруг, не на шутку разволновавшись.

— Нет, нет, что ты! — поспешно убеждаю ее я, хотя звучит это не слишком убедительно. — Все нормально. Правда. Просто... я, кажется, мудрею не по дням, а по часам... — вздыхаю я и беру себя в руки. — Ты извини... У меня сейчас совсем нет времени... как всегда... Я за рулем и на работу опаздываю... Так что я тебе лучше вечером перезвоню. Ладно?

— Конечно! — теряется мама, а я ругаю себя на чем свет стоит за то, что позволила себе выдать свои истинные чувства и заставить ее волноваться. — Может, заедешь на выходных? Отметим? — с надеждой в голосе просит она.

— Прости... Боюсь, до Нового года мне не удастся вырваться. У меня тут полнейший завал. Крыша уже едет...

— Ох, бедная ты моя... — теперь в ее голосе звучит сочувствие, и из-за него становится только тяжелее, но входящий звонок по второй линии меня немного отрезвляет.

— Мам, мне еще кто-то звонит... Я больше не могу говорить...

— Все, все. Пока.

— Пока!

Отнимаю от уха телефон, чтобы взглянуть, кому я еще понадобилась, одновременно поспешно тронувшись с места, чтобы успеть хотя бы на следующем зеленом сигнале светофора проехать наконец перекресток. Успеваю только заметить Володино имя на экране, как вдруг прямо мне под колеса из-за притормозившего справа минивэна бросается какой-то молодой человек. От глухого звука удара у меня кровь леденеет в жилах, и я в панике вдавливаю в пол педаль тормоза, вдруг осознав, что совершенно потеряла бдительность. Парня бросает ко мне на капот, после чего он скатывается вниз, и я теряю его из вида. Сердце замирает, а затем пускается вскачь, как вырвавшийся на свободу обезумевший зверек. Несколько секунд я продолжаю сидеть, вцепившись в руль и тупо уставившись в лобовое стекло, словно жду, что произойдет чудо, он сейчас сам поднимется на ноги и помашет мне рукой, что все нормально. Господи! Я сбила человека!!!

Когда глушу двигатель и пытаюсь отстегнуть ремень безопасности, руки почти меня не слушаются. Открываю дверь, пятнадцатиградусный мороз сразу же дает о себе знать, пробираясь под расстегнутую шубку и заставляя все тело дрожать крупной дрожью. Ноги едва двигаются на высоченных шпильках по обледеневшему асфальту, над которым метет поземка, и я неловко придерживаюсь за ледяной капот, чтобы самой не свалиться под колеса собственного автомобиля. Не знаю, как я нахожу в себе силы, чтобы сделать еще несколько шагов, морально уже готовая ко всему. Наконец я вижу перед собой распростертого на

асфальте человека. Он, к счастью, жив и по его виду нельзя сказать, чтобы он был серьезно ранен, так как он пытается двигаться, привстать и что-то отвечает останавливающимся прохожим, которые пытаются ему помочь. Это совсем молодой парень, лет двадцати, максимум двадцати пяти, очень привлекательный и даже, наверное, красавчик, если бы не странного вида лохматый белый полушубок, который портит всю картину. Кроме него, на нем черные кожаные сапоги до середины икры и потертые стильные голубые джинсы, из-под распахнутого мехового воротника виднеется высокий объемный ворот кремового свитера. Аккуратная короткая стрижка явно с претензией на утонченный стиль: шоколадно-каштановые волосы кажутся всклокоченными, но на самом деле это, конечно, эффект после тщательной укладки, а короткие баки до середины уха очень идут к его мужественному угловатому овалу лица с широкой челюстью, волевым подбородком и скулами.

Я, конечно, в полном шоке, поэтому никак не могу подобрать нужных слов, да и взгляд парня на некоторое время приводит меня в замешательство. Уж слишком нахально он пялится на мои ноги и даже позволяет себе едва заметно ухмыльнуться, словно остается довольным увиденной картиной. В его улыбке есть что-то волнительно порочное, словно за ней прячется преступник, а вовсе не пострадавший. Ловлю себя на том, что я и сама слишком уж пристально его рассматриваю, что в данной ситуации совсем неуместно. Щеки наверняка пылают, хотя на морозе вся кожа горит от холода. Молодой человек пытается приподняться, но потом вдруг хватается за бедро, морщится от боли и стонет, снова укладываясь на асфальт. Меня вновь охватывает паника.

— Как... Вы себя чувствуете, — наконец с усилием преодолеваю я возникший барьер и приближаюсь. — Пожалуйста... пожалуйста, простите меня... Я очень перед вами виновата, — растерянно шепчу я непослушными губами.

— Скорую скорей вызывайте, мадам, — не без яда в голосе бросает в мою сторону какой-то прохожий и, уже отвернувшись, бормочет куда-то в сторону: — Эти бабы за рулем в конце охамели — уже на пешеходном переходе народ давят!

Только сейчас я в ужасе замечаю, что молодой человек лежит как раз на отчетливо подведенной свежей краской «зебре». Вспоминаю, что я, конечно же, видела переход, но из-за едущего справа минивэна полный обзор был закрыт. Невольно морщусь от осознания собственного идиотизма и хватаюсь за голову.

— Не надо никакой скорой, — вдруг слышу я волнующе приятный баритон своей жертвы. Он снова пытается встать, перекатившись на бок и потирая ушибленное бедро. — Небольшой ушиб и все.

Наконец окончательно придя в себя, я бросаюсь к молодому человеку, присаживаюсь рядом с ним на корточки и стараюсь помешать ему встать, положив руки ему на плечо.

— Вам нельзя двигаться, — умоляюще шепчу я. — У вас могут быть закрытые травмы. Вы даже можете этого не чувствовать из-за шока. Я сейчас действительно вызову скорую.

В ответ на мои жалкие попытки заглядеть свою вину и выразить хоть какую-то заботу получаю долгий изучающий взгляд глаза в глаза. Я готова поклясться, что в них искрится насмешка и наглая заинтересованность. Переходя к изучению моих губ, молодой человек облизывает свои, а я замороженно смотрю, как они двигаются, когда он начинает говорить.

— Вы в курсе, что вам грозит лишение прав? — мягким полупшепотом спрашивает он и премоило улыбается. Почему-то от его улыбки мне становится не по себе, и я даже убираю руки с его плеча.

— Да... да... я догадываюсь... — бормочу я растерянно. — Но... не беспокойтесь... я

действительно виновата...

— В таком случае, помогите мне встать, и давайте убираться отсюда, пока кто-нибудь не проявил бдительность и не вызвал скорую и ГИБДД вместо вас. Лично я не собираюсь на вас доносить...

— А... но... — я просто не нахожу слов, но молодой человек пытается встать, поэтому мне приходится обхватить его за плечи и подать ему руку. Кое-как мы справляемся с этой задачей, хотя он, кажется, справился бы и без меня, ведь удержать широкоплечего крепкого сложения парня, которому я чуть повыше плеча, и это с учетом высоченных шпилек, — точно не в моих силах. Тем не менее, я обнимаю его за талию, а он придерживается за меня, балансируя на одной ноге. — Вы точно будете в порядке? — волнуясь я, причем не только из-за его ноги, но еще из-за собственной странной реакции на его близость. Из его запахнутой шубы меня обдает жаром и ароматом изысканных духов, и я чувствую, как он скользит взглядом по моему лицу и декольте, ничуть не стесняясь разглядывать меня в упор.

— Если вы не бросите меня умирать на морозе и отвезете в травмпункт, думаю, я буду жить.

— Конечно! Я все сделаю, что вы скажете... — поспешно заверяю я, помогая ему, хромая, пройти к передней пассажирской двери собственного автомобиля. От перенесенного стресса соображаю я с трудом, но все же догадываюсь, что мне повезло, и я легко отделалась. — Спасибо, — киваю ему я, когда усаживаю его на сидение, но ответом мне служит тот же прямой дерзкий взгляд и издевательский изгиб красивых чувственных губ. Отмечаю для себя вдруг, что глаза у него — серо-голубые, а лицо, хоть и очень мужественное, но совсем юное и сногшибательно смазливое. Невольно слатываю, кусая губу. Захлопываю дверцу и обхожу автомобиль спереди, постоянно чувствуя на себе внимательный взгляд молодого хищника. Он источает опасность. Это надо же было так попасть! Всё против меня...

Снова сев за руль, я тут же завожу двигатель и трогаюсь, чтобы больше ни секунды не задерживаться на месте своего преступления. Сидеть рядом с этим типом как-то неловко, и я продолжаю нервничать.

— Сильно болит? — осторожно пытаюсь я завязать диалог.

— Да нет, все терпимо, — спокойно заверяет он.

— Вы знаете, где тут ближайший травмпункт?

— К сожалению, не знаю. Меня не так уж часто сбивают, как может показаться... Но сейчас поищу.

Ответ звучит нагло, думаю я, но, конечно, никак его не комментирую, ибо виновата, и ничего тут не попишешь.

Молодой человек вынимает из кармана мобильный и, вроде бы, пытается что-то найти, но тут снова взрывается мой телефон. Конечно, это Володя. О, боже! Я пропала! Немного выжидаю и беру трубку.

— Я так понимаю, тебя сегодня не ждать? — раздается в трубке ожесточенный голос шефа.

— Володя... — мучительно вздыхаю я. — Я... только что человека сбила на переходе...

— Что?!

— Ты извини... Я задержусь на неопределенное время... Но я обязательно подъеду, как только освобожусь.

В трубке слышится нецензурная лексика, затем напряженное молчание.

— Что с ним? Все серьезно? — тон ледяной, но все-таки чувствую, что он обеспокоен, уж не знаю, моим ли положением или своим.

— Не думаю. Травма небольшая. Кажется... — неуверенно кощусь я на своего спутника. — Я все улажу. Не беспокойся.

— Ты... уверена, что помощь не требуется?

— Думаю, нет...

— Ладно. Жду звонка.

Я хочу еще что-то сказать или скорее услышать, но звонок прерывается, и у меня остается гадкое ощущение недосказанности. Вот за что он так со мной?!

— Проблемы на работе? — интересуется мой потерпевший, с любопытством изучая мою реакцию.

— Работа, работа, работа... — вздыхаю я... — это вообще одна большая проблема. — Чтобы не сгущать краски, приветливо улыбаюсь, бросив взгляд на незнакомца и в который раз мысленно восхищаясь его вызывающей привлекательностью.

— Кем работаешь, если не секрет? — вдруг переходит на ты он, и мне это почему-то нравится, хоть и заставляет немного смутиться.

— Я главный бухгалтер, — не без гордости сообщаю я.

— Ого... — он со знанием дела поджимает свои красивые губы и выдерживает паузу. — Да ладно! Неужели главный? — в его голосе звучит издевка, и я невольно улыбаюсь.

— А что тебя удивляет?

— Ну а сколько тебе лет?

Не могу не рассмеяться над такой детской непосредственностью. А чего еще, собственно, ожидать от этого типа? На вид он совсем еще мальчишка. Не к таким мужчинам я привыкла, если честно. Тем не менее, собеседник кажется забавным, да и мне скрывать нечего... пока еще...

— Двадцать семь, — честно сообщаю я.

— Значит, с шефом спишь?

А вот этот вопрос реально меня задевает за больное!

— Что?! Да ты нахал, как я посмотрю! — не могу сдержаться я.

— Ну а что? — как ни в чем не бывало, заявляет юный красавчик. — Очень мудрый ход. Я за такое не осуждаю, если что.

— Значит, ты считаешь, что умная образованная талантливая девушка не может сделать себе хорошую карьеру честным путем? — подспудно пытаюсь я оправдать себя в его глазах.

— Отчего же. Может. Если красива и при этом хорошо трахается.

Эти дерзкие слова, так непринужденно слетевшие с его языка, не только возмущают, но еще и заводят, вызывая томительный жар в низу живота и непристойную пульсацию в трусиках. Черт, что за бессовестный засранец мне попался? Из всех сил делаю вид, что я вовсе не в шоке, хотя такую бурную реакцию скрыть практически невозможно. Я даже не сразу могу говорить и только ловлю ртом воздух, пытаюсь при этом снова никого не сбить и ни во что не врезаться.

— Сколько тебе лет? — наконец не без сарказма спрашиваю я.

— А сколько бы дала? — продолжает забавляться мой пассажир. В его бархатистом мужественном голосе обезоруживающе поет сладкая улыбочка.

— Шестнадцать, судя по твоему поведению, — стараюсь я придерживаться взвешенной взрослой позиции.

— Предпочитаешь несовершеннолетних? Придется тебя разочаровать.

— О, господи! — гневно восклицаю я. — Попался же такой озабоченный на мою голову! Впрочем, для подростков это вполне нормально. Скоро пройдет.

— Думаю, лет сорок у меня еще точно есть в запасе, чтобы повзрослеть, — парирует он и все никак не унимается. — Ну а... каков он в постели?

— Кто?! — ужасаюсь я, в особенности из-за осознания того, что иду на поводу у этого наглеца и позволяю ему со мной флиртовать.

— Твой шеф, конечно. Или есть кто-то еще?

Вот зараза! Некоторое время я почему-то чувствую себя беспомощной и растерянной, но злость все-таки берет свое. Я ищу место для парковки, резко выкручиваю руль и торможу.

— Слушай... — наконец собираюсь с силами я. — Я, конечно, понимаю, что перед тобой виновата и все такое... Но ты же не думаешь, что я что угодно стану от тебя терпеть? А ну выметайся из машины и вали на все четыре стороны!

Молодой человек неторопливо поворачивает голову в мою сторону. При этом он опять переходит на серьезный тон, и от него вновь веет опасностью.

— Ты что, готова так легко расстаться со своими правами? Или не знаешь, что смыться с места аварии, сбив человека, — уголовное преступление?

— Да ты... ты... — я просто захлебываюсь возмущением и готова вцепиться в его дурацкую лохматую шубу.

— Душка. Я знаю, мэ. А вообще не парься — я просто шучу. Ты занятная штучка. И очень сексуальная, когда сердишься. Я, кстати, нашел ближайший приличный травмпункт при больнице. Предполагаемое время в пути с учетом пробок — 1 час 15 минут. Уж извини, но доверяться врачам из какой-нибудь районной поликлиники я не собираюсь.

От противоречивых чувств, которые пробуждает во мне эта бессовестная скотина, стискиваю зубы. Что это? Страх? Гнев? Унижение? Стыд из-за того, что он меня дико волнует как мужчина и что я так нелепо попала на его крючок? Да неужели все это правда? Ожесточенно кусаю губы, обдумывая свои дальнейшие действия.

— Ты что, собираешься меня шантажировать? Может, определимся, сколько ты хочешь? Я готова заплатить. Если честно, мне вообще не до тебя. Мне нужно на работу. — Очень надеюсь, что мой голос звучит достаточно жестко и не дрожит. — Наличных у меня с собой мало, но мы можем найти ближайший банкомат.

— Какая жестокость и цинизм... — присвистывает этот малолетний хам. — А казалась такой хорошей девочкой... Вообще-то я пошутил насчет шефа... Я же не мог знать, что все это правда. Извини, что задел за живое. Мне действительно стыдно. Вообще-то мне твоя помощь и правда не нужна, раз так, и уж тем более твои деньги.

Какая блистательная актерская игра! Кажется, еще один талант слишком долго ждет своего Оскара после Лео. Но только парень действительно открывает дверь, видимо, всерьез собираясь выходить, снимает с себя свою нелепую шубу и выворачивает ее наизнанку. Ах, вот оно что — это дубленка... Что за странный тип?

— Сейчас так модно? — не могу удержаться от колкости я.

— Последний тренд от Славы Зайцева, — ворчит этот модник, переодеваясь, а я вдруг замечаю, что ладони разбиты у него в кровь. От вида его ран мне становится совсем не по себе, да и стыд начинает мучить. Господи, ну что я за вредина... Человек ведь попал в аварию, и тоже перенес стресс, да еще и повреждения получил, а я веду себя как малолетняя стерва. Может, манеры у него и не очень, но мои — ничем не лучше...

— Подожди. Ты, кажется, сильно ударил руки... Я могу обработать раны. Думаю, в аптечке есть все необходимое.

— Спасибо. Как-нибудь обойдусь без твоих услуг.

— Да брось... — иду на попятную я. — Я и правда немного погорячилась... Ты все-таки извинился...

Вижу, как он с укоризной качает головой. Меня все еще гложет чувство несправедливости и досады, но я убеждаю себя быть выше этого, выхожу из автомобиля и направляюсь к багажнику за аптечкой. Когда приближаюсь к молодому человеку, он уже выставил ноги на асфальт и пытается встать, слегка морщась от боли.

— Не геройствуй, пожалуйста, и покажи руки, — уже смягчаюсь я.

Он раздраженно вздыхает и протягивает руки ладонями вверх, при этом беззастенчиво уставившись мне в лицо. Это ужасно отвлекает, и я краснею. Раны не очень-то серьезные, но все равно не приятные. Открываю аптечку и начинаю в ней рыться.

— Да что такое? Ни перекиси, ни зеленки...

— Зато есть устройство для проведения искусственного дыхания рот в рот.

На его новую шуточку все той же тематики только слегка натягиваю губы в скептической усмешке. Затем нахожу моточек пластыря и кровожадно смакую мысль о том, как бы было приятно заклеить ему не только раны, но еще и рот. А еще неплохо было бы ему руки связать, чтобы сидел и не выпендривался. На его счастье, пластырь нашелся и стандартных размеров. Когда накладываю его на раны, чувствую, что руки мои слегка дрожат — то ли еще не отошла от пережитого стресса, то ли все-таки этот нахал так на меня действует.

— Как тебя зовут? — не могу унять разыгравшееся любопытство я, хотя знаю, что зря я опять иду ему навстречу.

— Макс. А тебя?

— Вероника. Лучше просто Ника. Я так привыкла.

— Ника — богиня победы.

— Точно... — Несколько секунд мы молча изучаем друг друга. У Макса гладкая ухоженная кожа, тщательно выбритое лицо, идеально правильные мужественные черты, словно нарисованные красивые брови, яркие насмешливые серо-голубые глаза, чувственные губы. Всклоченные каштановые волосы отливают ярким здоровым блеском. Да и одежда сидит на нем очень уж эффектно, так как подобрана со вкусом и надета на хорошо сложенное явно натренированное тело. Спокойно рассматривать все это просто невозможно, и я заставляю себя оторвать от него за гипнотизированный взгляд. От собственных грязных мыслей и ощущений становится жарко и неловко, а вот его вид совершенно невозмутимый, словно он давно привык производить на женщин неизгладимое впечатление, да и меня, похоже, видит насквозь. Так. Все! Ему от силы лет двадцать, может, двадцать два. Это вообще не мой типаж! К тому же он невоспитанный и наглый. Не хватало мне еще начать тащиться от какого-то молокососа...

Чтобы переключить внимание, я смотрю на наручные часы. Половина одиннадцатого! Все — это конец. Даже руки опускаются.

— Садись, пожалуйста, на место, — строго бросаю я, давая понять, что не желаю слышать в ответ какие-нибудь возражения.

— Слушаюсь, мэ! — не без сарказма отвечает Макс и снова забирается на свое место.

Когда сажусь за руль, не спешу начинать движение, потому что все мысли возвращаются

к этой дурацкой отчетности, к противному зануде-аудитору и к разгневанному шефу. И еще я осознаю вдруг, что, если я потеряю эту работу, то не смогу и дальше делать выплаты по автокредиту в том же объеме. Конечно, всегда можно рефинансировать кредит, чтобы увеличить его срок и сократить ежемесячные выплаты... Но, боже, это растянется на неизвестно какое время! А моя роскошная съемная квартира в центре... М-да... девочка, кажется, привыкла жить на широкую ногу... От мыслей о том, что отношения с Володей тоже могут закончиться, вообще становится тошно...

— Слушай... Макс... — виновато лепечу я. — У меня правда... очень серьезные проблемы на работе... Я просто обязана быть там как можно скорее... Клянусь, что я все тебе компенсирую... но сейчас я не могу отвезти тебя так далеко, как ты просишь... И... я понимаю, что это совершенно дурацкая идея, но что если я пока что отвезу тебя к себе домой? Я живу совсем не далеко... Ты мог бы там отдохнуть... А когда вернусь, обещаю отвезти тебя в травмпункт... они же все круглосуточно работают...

Нервно сглатываю, ожидая своего приговора, при этом понимаю, насколько рискую, ведь рядом со мной — совершенно не знакомый мне человек, который к тому же не особо мне нравится. Ну, вернее... меня раздражает его поведение и еще он меня заводит, а это еще хуже, чем если бы меня просто бесили его манеры...

Размышляя, он смотрит в окно, подносит к губам пальцы и словно специально тянет время. Лишь бы не принял мое предложение за откровенный флирт... Вот блин! С него же станется...

— Ладно... Ника... — немного странным и подозрительным тоном наконец соглашается он. Даже удивительно, что он воздерживается от каких-либо колкостей или намеков.

— Отлично, — выдыхаю я. — Тогда поехали. Будем там минут через пятнадцать-двадцать.

Глава 3

Я, конечно, фиגעю с этой дамочки... Хотя после такого даже язык не поворачивается называть ее дамочкой. Ей гораздо больше подошло бы определение «глупая девчонка», даром что разодета в меха и драгоценности, вся сверкает от модного лоска и восседает за рулем Тойоты. Честно говоря, на мой вкус, на ней слишком много косметики, да и яркий маникюр не слишком-то хорошо сочетается с ее нежными тонкими пальчиками. Смыть бы с нее всю эту штукатурку и снять прикид «а-ля дорогая директорская шляха», и выглядела бы она еще более сногшибательно. Впрочем, у меня и так на нее встает, да еще как, особенно когда она смущается, краснеет и отводит взгляд. Это же надо до такого додуматься: сбить человека, смыть с места аварии, выслушать от него пару хамских замечаний и намеков на шантаж, а потом пригласить его к себе домой и оставить там одного... Может, я до сих пор еще недооценивал всю силу своего обаяния и чертовской привлекательности? Ну а что? Стильный ухоженный молодой парень с обезоруживающей сверкающей улыбкой, дерзкий и без комплексов... Девочкам нравятся такие. Я-то на самом деле сначала рассчитывал смыть по-быстрому, потому что ее кошелек я уже успел обчистить, но теперь, пожалуй, подожду, что будет дальше.

В предвкушении стараюсь помалкивать, чтобы вдруг не ляпнуть чего лишнего. Отчего-то рядом с ней в голову реально приходит только всякая пошлятина. С трудом могу оторвать

взгляд от ее выглядывающих из-под высоко приспособившейся юбки стройных ножек, от изящных ручек, сжимающих руль, от гордой посадки хорошенькой головки, от коротких строгих взглядов в зеркала заднего вида. К тому же характер, как выяснилось, у нее тоже есть, так что игра по усмирению гордой красотки намечается заманчивая.

Тем временем мы въезжаем во двор приличной новостройки и очень долго и старательно паркуемся, что не может не вызвать у меня саркастическую улыбочку, тут же замеченную суперводительницей.

— Я не так давно получила права, — немного раздраженно сообщает она своим необыкновенно чувственным голосом, приправив его нотками раскаяния. Тоже мне новость.

— Я заметил... — не могу сдержаться я.

— Вообще-то это мое первое ДТП.

— Видимо, мне повезло. Приятно быть у девушки первым.

Она скептически закатывает глазки и кривит свой ротик в усмешке, а затем совершенно естественно и при этом безумно сексуально закусывает нижнюю губку, снова сосредоточившись на парковке. Мне уже тоже хочется отведать ее на вкус, но приходится только стискивать челюсти и глотать слюну. Когда подходит время выходить из машины, я даже на пару секунд теряю бдительность и забываю, что я — тяжело больной человек. К счастью, моя спасительница успевает как раз вовремя, чтобы помочь мне встать с места и позволить на нее опереться. Вижу, что ей ужасно неловко, так как приходится снова обхватить меня за талию. Меня снова обдает свежим цветочным ароматом ее духов, и я едва заметно склоняюсь к ее ушку, когда она ведет меня к подъезду. Стараюсь при этом не забывать хромать на каждом шагу.

— Ну, как ты? — с волнением спрашивает она, слегка поворачивая голову. Я уже чувствую тепло ее дыхания на своем лице.

— Уверен, что ничего страшного, — успокаиваю ее я, лаская взглядом ее безупречно гладкую кожу — на обнаженной белой шейке, на румяной щечке, на подбородке. Пока мы идем, крупные частые снежинки покрывают пышный воротник ее шубки, на морозе из ее полураскрытых губок идет белый пар, как, кажется, и ото всего ее разгоряченного тела. Что за привычка не застегивать верхнюю одежду на таком холоде?

Слегка напряженные и, я уверен, что оба возбужденные, мы поднимаемся на лифте на пятый этаж и направляемся к одной из дверей. Ее пальцы дрожат, пока она пытается попасть ключом в скважину. Никак не могу надышаться ее ароматом и едва воздерживаюсь от того, чтобы не наброситься на нее, как только мы попадаем в квартиру. Там любопытство все-таки одерживает верх, и я осматриваюсь. Из большой прихожей один широкий арочный проход ведет в единственную очень просторную комнату, другой — на кухню. Обстановка довольно-таки старомодна на мой вкус. Кажется, этот стиль именуется «прованс». Все новое, но выглядит так, будто привезено со старой дачи французской прабабушки. Светлая мебель в расписных цветочках, кружевные скатерти на столиках и комодах, на диван с пышными расшитыми подушками набросана куча мягких игрушек, все горизонтальные поверхности заставлены разномастными статуэтками, рамками для фоток, торшерами, декоративной посудой, куколками, вазочками с искусственными цветами и прочей девчачьей дребеденью. Короче — целое кладбище бесполезных сувениров... Но все же через пару минут пребывания здесь, я осознаю, что мне все это нравится, потому что здесь царит домашняя атмосфера уюта. Пахнет кофе, корицей, гвоздикой, а еще богатым ассортиментом парфюмерного магазина, но больше всего — свежей хвоей. На журнальном столике

возвышается небольшая пушистая натуральная сосна, украшенная с маниакальной изысканностью. Для полноты сказочной предновогодней картины из кухни выныривает изящная рыженькая кошечка, скорее даже котенок. Он жмурит желто-зеленые глаза и протяжно мяукает, видимо спросонок удивленный ранним приходом хозяйки.

— Кики, это Макс. Макс, это Кики, — торжественно представляет она нас. Видно, что ей неловко вдруг оказаться со мной наедине, щечки ее алеют. Она отступает от меня на шаг, поспешно поправляет волосы и не знает, куда пристроить руки. Она, кажется, в принципе не знает, что делать дальше.

— Мое почтение, мадемуазель, — усмехаюсь я в сторону котенка, но тут же перевожу прямой бесцеремонный взгляд на взволнованную хозяйку. — У тебя милое гнездышко.

— Спасибо... — Ника смущается и растерянно смотрит по сторонам, проверяя, все ли в порядке. Но все, конечно же, на высшем уровне, мисс совершенство. — Раздевайся и проходи в комнату, — говорит она немного торопливо и сбивчиво. — Можешь лечь на диван или сделать себе чай или кофе. На кухне найдешь, что перекусить. Ты ведь сможешь встать, если отдохнешь?

— Думаю, справлюсь, — усмехаюсь я.

— Господи... Я просто не понимаю, как все могло получиться так по-дурацки... Ты уж прости еще раз... И мне правда пора...

— Что ж... иди, раз пора, — немного разочарованно произношу я тоном человека, который из благородства смирился с неудобством собственного положения, хотя внутри меня разгорается любопытство, предвкушение, азарт и похоть. Последняя дает о себе знать особенно сильно, и отпускать эту девочку на работу совсем не хочется. Еще пару секунд она неловко перебирает пальчиками ключи, открывает рот, чтобы еще что-то сказать, но так и не решается и только бросает скромное «пока».

— Счастливо. Удачи на работе.

— Спасибо.

Дверь за ней захлопывается и щелкает замок, а еще я слышу, как снова звонит ее мобильный и она чертыхается. Забавная штучка. Котенок уже скачет вокруг меня и набрасывается на мою штанину, смешно растопырив передние лапки. Не могу сдержаться и беру его в руки, тут же чувствуя, как в кожу впиваются острые зубки.

— Эй, да ты вылитая копия своей хозяйки, рыжая-бестыжая! Осталось только коготки отрастить подлиннее и научиться соблазнительно вертеть хвостом. — Чешу котенка за ухом, снова спускаю на пол, разуваюсь, снимаю дубленку и вешаю на вешалку, а затем прохожу в комнату, ступая по мягкому светлому узорчатому ковру.

Любопытное местечко... Такое определение безусловно подойдет не для всякого дома, ведь не у каждого жилища есть какая-то индивидуальность. Здесь же она чувствуется во всем. А это означает, что сей объект очень даже подходит для изучения внутреннего мира его обитательницы. Первая ассоциация, приходящая на ум, когда смотришь на все это цветочно-плюшевое царство, — милая и любимая всеми домашняя девочка, ранимая и чувствительная. Однако, на самом видном месте, посреди обширной книжной полки, уставленной всякими мелкими предметами декора, надо всем возвышается массивная статуэтка богини Ники из белого блестящего металла. Ника — юная, гордая и прекрасная — стоит на золоченой колеснице. Одной рукой она управляет лошадьми, в другой руке держит золотой лавровый венец. Тонкая золотая тесьма украшает ее голову с развевающимися на ветру волосами. За ее спиной простираются золотые крылья, на губах застыла высокомерная

улыбка. Не могу удержаться и беру тяжелую статуэтку в руки. На дне дарственная надпись: «Величайшая победа — победа над самим собой (Цицерон). Любимой дочери от любящего отца». Эта находка вдруг наводит уже на совсем другие мысли — та, кому принадлежит этот подарок, должна быть не лишена амбициозности и честолюбия, подпитанных отцовской любовью и надеждами. Недаром же ей самой нравится зваться именем богини победы. Любопытно, на какие жертвы готова идти эта девочка ради победы и через какие запреты готова переступить?

Уже собираясь поставить роскошную статуэтку на место, вдруг замечаю на полке красивую хрустальную конфетницу, почему-то задвинутую на задний план. Инстинкт вора подсказывает мне, что это неспроста, и я протягиваю руку, чтобы проверить, что находится внутри конфетницы. Конечно же, я не ошибаюсь и вытаскиваю оттуда ключ. Осматриваюсь по сторонам, прикидывая, какую же дверцу он может открывать, но не нахожу ничего подходящего. Взгляд останавливается на большом натюрморте с цветами, писанном крупными масляными мазками, отчего букет выглядит, как живой, и источает нежность. Любопытство всегда было моим пороком, поэтому, не колеблясь ни секунды, снимаю картину с крючка. Конечно, же за ней оказывается небольшой сейф, и ключ идеально подходит к замку. Открываю тяжелую дверцу и вижу шесть толстых пачек сто долларовых банкнот. В задумчивости потираю губы, затем беру по одной купюре из каждой пачки, складываю их и сую в задний карман джинсов. Она, конечно же, не скоро обнаружит пропажу или не заметит ее вовсе. Странная привычка для бухгалтера хранить в доме наличку...

Не успеваю я закрыть сейф, как замечаю на стене рядом с сейфом целую выставку семейных фотографий разного калибра в одинаковых резных рамочках. Под ними даже есть надписи, выведенные красивым каллиграфическим почерком. Некоторые из всех деталей собственной жизни сооружают целый музей. Это слегка раздражает... Возможно, просто у них есть много такого, чем стоит дорожить и чем можно гордиться, в отличие от меня... На снимках вижу улыбающиеся лица, объятия, поцелуи, тортики со свечами, подарки в ярких упаковках, выстроившихся рядами многочисленных друзей и родственников, которые еле-еле помещаются в кадр. Надо же, какая идиллия... До сих пор думал, что такое бывает только в дурацких романтических фильмах или рекламе йогуртов...

Какой-то необъяснимый порыв вдруг заставляет меня вынуть деньги из кармана и вернуть их на место. Чувствую себя при этом полным придурком, но побороть порыв я не в состоянии. Видимо, теряю сноровку. Все события сегодняшнего дня тому подтверждение. На миг меня даже охватывает леденящий душу страх. Вот какого хуя я вдруг расчувствовался?! Стоит поддаться эмоциям, позволить пробудиться совести, и вся моя жизнь стремительно покатится под откос, ведь на носу очередная плата за учебу и за жилье, а еще — тусовка с однокурсниками в крутом клубе, да и вообще — я привык во многом себе не отказывать. Тем не менее, я просто не могу и не хочу брать эти деньги, закрываю сейф на ключ и вешаю картину на место.

На письменном столе вдруг звонит телефон, после пары трелей включается автоответчик, и какая-то милая старушка долго не может понять, что нужно делать, но потом начинает поздравлять «Никусю» с днем рождения. Под это хвалебное воркование в адрес милой внученьки, которая, оказывается, уже давно не навещала свою любимую бабушку, присаживаюсь за стол и в нетерпении открываю ноутбук моей «Красной Шапочки». К счастью, не запароленный. В первую очередь шарю по папке с фотками, и, о

да, эта девочка меня не разочаровывает... В ее коллекции имеются не только эротические фотки в нижнем белье и купальниках, но и топлес. Ее женственные формы завораживают, солнечно-медовый цвет роскошных длинных волос фантастически безупречно гармонирует с белоснежной шелковистой кожей, а от вида ее пышных грудок, увенчанных аккуратными маленькими пастельно-розовыми сосками с золотистыми ореолами, перехватывает дыхание и в джинсах становится до боли тесно. Рука невольно тянется к паху... черт... Нервно сглатываю и продолжаю нетерпеливо пролистывать ее портфолио.

К своему величайшему сожалению, не обнаруживаю ни одной фотки с обнаженной киской. Любопытно посмотреть, какого цвета у нее там волоски и какой формы у нее губки и бутончик. Экстравагантные бикини на тоненьком спортивном девичьем теле невероятно бережат фантазию и нервы, а член от них сводит судорогой вожделения.

На самом деле ее личико тоже заслуживает особого внимания. Сказать, что она просто хорошенькая, значит, покривить душой, потому что она красотка, из тех, на которых мужчины обычно оглядываются и не могут сдержать восхищенные возгласы вслед. От ее глаз невозможно оторваться. Миндалевидные, ярко-зеленые и хитрые как у кошки, они смотрят неприступно и многообещающе одновременно, так что взгляд их пробирает до самых нервов и каким-то волшебным образом затрагивает ту часть мозга, которая отвечает за удовольствие. И еще взгляд ее кажется спокойным и умиротворенным, с мечтательной поволокой, но за этим кажущимся спокойствием искрится бесовское пламя. Такое встречается только у девочек, прекрасно знающих себе цену, у развратных, похотливых, высокомерных, потому что они прекрасно осознают, сколько мужиков вокруг мечтает их трахнуть. Впрочем, такой самоуверенной эта кошечка выглядит на своих живописных снимках. Рядом со мной она далеко не всегда казалась такой уж смелой — то краснела, то бледнела, то опускала взгляд, то беспокойно кусала и облизывала свои клубнично-карамельные губки. Еще бы — не каждый день офисные дамочки цепляют смазливых студентов, а уж угадать ее грязные мысли не составляло особого труда.

Бабушкины поздравления уже давно закончились, раздался новый звонок, и рассыпаться в поздравлениях начала какая-то тетя Лена, ее сменила подружка Наташа, потом подружка Настя, потом кто-то еще. Я же теперь отвлекся на изучение странички зеленоглазой богини на VK. М-да — Ника и здесь, оказывается, звезда. Вернее Вероника Михайловна Залевская Больше семисот друзей, подписчиков не меньше, куча поздравлений уже с самого утра, тысячи лайков. Не без удовольствия отмечаю для себя, что ни одной сомнительно вызывающей фотки на всеобщее обозрение не выставлено. Как я и думал, красотка знает себе цену и хорошо воспитана. Правда, здесь на нее можно полюбоваться не только в образе строгой деловой леди, но и в образе веселой оторвы, умеющей мило кривляться и беззаботно зажигать. Довольная мечтательная улыбочка не сходит с моего лица, пока я изучаю ее досье, да и эрекция не спадает, честно говоря.

Вспоминаю вдруг, что мадемуазель, кажется, встречается с собственным шефом, и без зазрения совести лезу в личную корреспонденцию. Так и есть — гигабайты переписки с каким-то престарелым хлыщем, к тому же еще и... женатым?! Блядь... Ну чего не хватает этим дурочкам, что они связываются не пойми с кем?! Идеальный образ королевы рассыпается в прах, когда я пытаюсь вникнуть в суть их обменов любезностями. Похоже, в последнее время они на ножах, и этот старый козел вечно ей не доволен, а эта дуреха ластится к нему, как глупый щенок. Ладно, может, он и не старый. На вид ему под сорок, и он далеко не урод. Жена у него — расфуфыренная фифа неопределенного, благодаря

пластическим операциям, возраста, с силиконовыми губами и, наверняка, такими же сиськами. Ха — а мужик неплохо устроился! Собственный бизнес, дорогие тачки, двое образцовопоказательных детишек, две шикарные дамочки в его полном распоряжении... Надеюсь, что его жена спит с молодым водителем или садовником. Тогда симбиоз был бы полным и совершенным. Вот она — современная семейная идиллия. Лучше уж никогда не жениться.

Почему-то расстроенный, откидываюсь на спинку кресла, а затем встаю, чтобы отправиться на кухню и сделать себе чашку кофе. Бедро, кстати, почти совсем не болит — все-таки я везунчик. Пока я пытаюсь найти все необходимое, на автоответчике слышится мужской голос. Сначала я воспринимаю его как общий фон, увлекшись собственными размышлениями, но затем гневные интонации и грубые слова обращают на себя внимание, потому что слишком уж выбиваются из общей поздравительной какофонии.

— Твою мать, Ника! Какого черта ты отключила телефон?! Где ты и когда будешь на месте? Что там с этим сбитым пешеходом? Надеюсь, догадалась откупиться. Говорил же тебе, будь внимательнее, а у тебя вечно ветер в голове! Из-за тебя все летит к чертям собачьим! Ты хоть это понимаешь?! И даже не думай от меня смыться — из-под земли достану! Я вижу, что ты в онлайн, так что не отмалчивайся! Увольнения тебе в любом случае не избежать, мне такие встряски больше не нужны. Но пока я найду другого сотрудника, будь любезна ответить за свои проколы!

Вся эта тирада, которая не прекращается слишком долго, почему-то меня выбешивает. Так и хочется взять трубку и послать этого уroda куда подальше, но я, конечно, сдерживаюсь. В конце концов, все это не мое дело, и я не имею права вмешиваться. Шеф пыхтит еще какое-то время, а потом вешает трубку. Воцаряется тишина, и я спокойно пью кофе с какими-то обалденными печеньками, кажется, домашними. Разгуливая по квартире, натываюсь на целый стеллаж, уставленный свечами. Все совершенно новые, ни разу не зажженные. Красивые, конечно, и идеально вписываются во всю эту безупречную гармонию... но, блин, во всем этом порядке не хватает непредсказуемости, хаоса и изъязнов... Короче парня не хватает... Этот зажавшийся мудака-шеф не в счет. Уверен, он даже ни разу здесь не был.

Взгляд вдруг останавливается на музыкальном центре на комод. В нем обнаруживаются несколько выдвижных ящичков с дисками. Что ж, почему бы не расслабиться сегодня по полной... Кажется, в мини-баре на кухне я видел бутылочку Martini bianco и еще оливки в холодильнике... В первом ящичке репертуарчик совсем не в моем вкусе: Элвис, Джо Дассен, Армстронг, Битлз, Джо Коккер, Барбара Стрейзанд, Синатра Хулио Иглесиас и еще куча хрени в том же духе... Какая-то заплесневелая дискотека шестидесятых. Тем не менее, я не продолжаю поиски и почему-то останавливаю свой выбор на Иглесиасе. Когда звучит Crazy, вдруг вспоминаю, что мама просила не выключать эту песню, когда ее крутили по радио. Не сказать, чтобы она была очень сентиментальной женщиной, даже напротив, жизнь сделала ее черствой и бесстрастной, но, может, это я был не достаточно мудрым и внимательным, чтобы разглядеть или разбудить в ней нежность? Наверное, в этой музыке все-таки есть что-то такое... трогательное.

В этой уютной квартире, на этом мягком диване в ворохе пухлых подушек, под эту музыку и с пряным горьковатым привкусом вермута во рту, когда за окном мелькает белый пух снежинок, в голову почему-то лезут исключительно развратные и дерзкие идеи.

— Кис-кис-кис... Кики! Или как там тебя, рыжая? — Котенок доверчиво подбегает и

тычется в мою руку нежной мордочкой, пока я не беру его в охапку и не сажаю себе на живот, ласково почесывая его ушки, шейку, а затем и беззастенчиво подставленный животик. — Ты же не будешь возражать, если я немножко развлекусь с твоей милой хозяйкой? Уверяю тебя, ей понравится. Я умею обращаться с рыжими ласковыми кошечками...

Глава 4

Боже, неужели этот безумный-безумный день все-таки подходит к концу? Когда оказываюсь в собственном автомобиле, прямо ощущаю, как с моих плеч сваливается неподъемный груз. Он все-таки меня уволил... Пока что я в полной прострации, и даже не знаю, как мне относиться к этой новости. Сегодня мне слишком долго приходилось держать все эмоции под контролем, и я продолжаю действовать на автопилоте. Пока что нельзя расслабляться, Ника. Нужно добраться до дома, а там я вспомню каждую деталь сегодняшнего дня, все обдумаю, найду правильное решение... Вынимаю шпильки из тугого пучка на затылке, снимаю с хвоста валик и резинку, с облегчением встряхиваю длинными рассыпавшимися локонами и массирую голову.

На улице беснуется метель, поэтому, как только выезжаю из подземной парковки, автомобиль тут же попадает в головокружительные карусели снежных вихрей. В голову совершенно не кстати вдруг вновь приходят мысли о том, что Володя сегодня весь день показательно держал меня на расстоянии и избегал оставаться со мной наедине. А мне так хотелось, чтобы он обнял меня, приободрил и пообещал, что все будет хорошо... Не знаю, о чем я думала, когда верила в эти отношения и убеждала себя, что они настоящие... Наверное, просто возомнила себя богиней победы, которой все по плечу и которая с легкостью отпустит ситуацию, даже если она сложится не в ее пользу. Но вот я продула все в пух и прах, козырей не осталось, и мне вовсе не все равно.

Из-за всех этих эмоций тут же начинает щипать в носу, жечь в глазах, а горло сжимает болезненный спазм. Нет, Ника, еще не время для истерик и слез! Видимость нулевая, на дорогах опять многокилометровые пробки, на улице так завывает ветер, что даже в теплом салоне по спине бежит озноб и зуб на зуб не попадает. Хотя последнее, конечно же, из-за нервов... или я все же заболелаю...

Телефон отключен. Я не готова ни к каким звонкам, особенно с поздравлениями. Просто хочется добраться до дома, выпить снотворного и вырубиться часов на двенадцать. Огни вечернего города и снежинки плывут и мельтешат перед глазами, и даже находясь в таком состоянии, сложно не признать, что столица прекрасна именно зимой во время снегопадов. Есть во всем этом белом безумии что-то волшебное и сказочное. Почему-то очень хочется верить в чудо, в исполнение желаний и в собственные силы. Включаю радио — и сразу случайно попадаю на волну, где крутят рождественские гимны. То, что надо, чтобы продержаться до дома и не разреветься... Через пару минут уже подпеваю дрожащим и хрипловатым от переполняющих меня чувств голосом Сенатре: «Let it snow, let it snow, let it snow...»

Когда добираюсь наконец до дома и паркуюсь у подъезда, бросаю взгляд на часы: 22:07, и вдруг память пробивает молния, озаряющая события сегодняшнего утра. Макс! Как я могла о нем совсем забыть?! Меня тут же охватывают противоречивые ощущения: тревога, любопытство, растерянность и, пожалуй, облегчение... Я, конечно, дико устала, но почему-

то перспектива остаться наедине со своей болью, кажется невыносимой, и я хватаюсь за мысли об этом парне, как за соломинку. Я ведь еще успею наплакаться, правда? Впереди невыносимо долгие праздники — у меня будет предостаточно времени, чтобы поразмыслить, как я оказалась вдруг совсем одна, без работы и без любимого мужчины накануне Нового Года...

Поднимаясь на лифте, я вся подрагиваю от волнительного предвкушения и еще от страха, что, возможно, произошло что-нибудь плохое. Даже не знаю, что именно, и даже боюсь фантазировать на эту тему. На лестничной площадке моего этажа с удивлением замечаю, что из-за моей двери доносится музыка. По странному стечению обстоятельств играет «Don't cry» Guns N' Roses, одна из моих любимых композиций, которая к тому же как нельзя лучше созвучна моему нынешнему состоянию. Странно, что в дверь еще не колотят разгневанные соседи, потому что от громкости, кажется, сотрясаются стены. Невольно ускорю шаг и нетерпеливо открываю дверь.

Зайдя из ярко освещенного помещения в погруженную в темноту квартиру, не сразу могу понять, что же не так с этой темнотой, тем более что грохот динамиков, включенных, кажется, на полную мощность, слегка дезориентирует в пространстве. Моя затемненная гостиная, также как и кухня, подмигивают мне десятками огненно-желтых огоньков, и я невольно хмурюсь, пытаюсь осмыслить это странное и, безусловно, чудесное явление, пока мой взгляд не останавливается на комодике в прихожей. На нем пылает сразу пять свечек, пять моих коллекционных свечек ручной работы, расписанных по мотивам орнаментов Густава Климта и привезенных пару лет назад из Вены! Они обгорели уже на четверть, и по великолепным узорам безжалостно пролегли рубцы из стекшего воска. Поспешно склоняюсь к мерцающим огонькам и дую на них изо всех сил, пока они не гаснут. Прихожая тут же погружается в полнейшую темноту, хоть глаз выколи. Немедленно жму на выключатель, чтобы зажечь свет, но он почему-то не срабатывает. Бессмысленно щелкаю им в замешательстве, пока не понимаю, что это бесполезно. А еще до меня доходит, что этот балбес, похоже, зажег все свечи, какие только нашел в доме! Господи, я собирала эту коллекцию со студенческих лет! В ней и сувениры, привезенные из разных стран, и памятные подарки от близких мне людей, и произведения ручной работы, выполненные на заказ в соответствии с моими личными предпочтениями! Стискиваю зубы, снимаю полушубок и туфли и на ощупь осторожно пробираюсь в комнату.

В какой-то момент мне вдруг становится не по себе. Все-таки в моей квартире посторонний человек, и он, похоже, спокойно тут хозяйничал. Чего вообще можно от него ожидать? Но мой гнев и самоуверенность пересиливают страхи и сомнения. Это же просто мальчишка, невоспитанный, эгоистичный поганец! В комнате подрагивают черные тени и отсветы пламени. Моя коллекция действительно горит и тает на глазах, но тушить остальные свечи я не решаюсь, так как тогда я окажусь один на один с этим типом в полной темноте, а его, между тем, что-то нигде не видно. Обхожу комнату кругом, присматриваясь к дивану, креслам и углам, и останавливаю свой взгляд на включенном ноутбуке. Пробегаюсь пальцами по тачпаду, и на экране тут же высвечивается одна из моих весьма откровенных фоток. У меня от шока перехватывает дыхание, ведь я тут же вспоминаю, какие еще фотки хранятся в этой заветной папке. Да какого черта?! Заглядываю на открытую вкладку браузера, и перед моими глазами предстает наша с Володей переписка. Я убью этого засранца!

— Макс! — зову я, пытаюсь перекричать музыку. — Ты где, Макс? Твою мать! —

ругаюсь я, ударившись в темноте ногой об угол журнального столика.

Конечно же, он меня не слышит, где бы он ни был, а я вдруг замечаю брошенные на диван джинсы и свитер. Офигеть! Зато теперь становится понятно, где он прячется. Вырубаю музыкальный центр, стремительно направляюсь к ванной комнате и стучу, но не получаю никакого ответа, а дверь оказывается не запертой. За ней тоже мигают десятки золотых огоньков, он обставил свечами всю ванную комнату — они на полках, на раковине, на стиральной машинке и, конечно же, ими утыканы бортики ванны, в которой он разлегся под сугробами из мыльной пены. На какое-то время я просто теряю дар речи. Стою и молча рассматриваю парня, как ни в чем не бывало потягивающего что-то из бокала для Мартини. В комнате, конечно, темно, но даже слабый свет позволяет разглядеть его атлетическое телосложение — широченные плечи, накачанные руки и грудь, блестящие от влаги. Его мокрые волосы зачесаны назад, в темных глазах, словно раскаленные угли, пылают отражения свечей, а на губах играет вызывающая ухмылка, словно он наслаждается тем, в какое смятение меня привел всем своим поведением и видом.

— Какого... какого черта ты делаешь в моей ванне?! — наконец возмущенно выдаю я, сбиваясь, потому что мне не хватает воздуха, и вся вспыхивая, то ли от гнева, то ли все-таки от осознания того, что он так близко и при этом обнажен.

— Тоже рад тебя видеть, малышка, — беспечно откликается молодой человек, ставя бокал на мраморную столешницу раковины и закидывая руки за голову, чтобы снова улечься. — Если честно, мне как-то даже в голову не пришло, что ты будешь против, если я приму ванну... — его голос звучит так, будто он искренне считает себя святой невинностью и вообще не понимает, в чем причина моего гнева.

— Как видишь, я против! И я тебе не малышка! — восклицаю я. — Ты издеваешься, да?! Что ты вообще здесь творишь?!

— Эммм... — недоумевая, тянет он, не двигаясь с места. — Ты чего так кипятишься? Я, вроде, ничего плохого не делал... Даже не пользовался твоей зубной щеткой...

— Ты смотрел мои фотки на ноуте! И мою личную переписку тоже!

— Ну... на ноуте не было пароля... и так случайно вышло... я хотел посмотреть прогноз погоды... и просто по интернету полазать... А фотки потрясные, так что тебе не о чем переживать. Ты красотка.

— Да ты! Ты! Ты вообще не имеешь никакого представления о воспитании! Я думала, у тебя правда травма, ты ходишь с трудом... а ты! Убирайся из моей ванны немедленно! — зло выпаливаю я.

— Ладно... как скажешь, — он наконец-то садится, задумчиво почесывает затылок, опирается локтями о борт ванны и смеривает меня тем самым оценивающим и похотливым взглядом, за который иногда хочется вlepить некоторым наглым парням звонкую пощечину. — Слушай, я вообще-то хотел устроить тебе небольшой сюрприз... Заказал ужин, зажег свечи и все такое...

— Да! Я заметила! Ты зажег мои коллекционные свечи! Я их по всему миру собирала! — вскипаю я еще больше. — И что еще за ужин?!

— Ну, хорошо, хорошо, детка, извини за свечи... — снисходительно пожимает плечами он и виновато улыбается. Как на зло, от этой его обаятельной белозубой улыбочки становится не по себе, а, где не надо, бегут мурашки и разливается приятное тепло. Даже от его певучего голоса с едва заметными насмешливыми нотками вспыхивают уши и слабнут колени, а тут еще приходится отбиваться от уже совершенно откровенного и пошлого

флирта, да еще и в собственной квартире, в ванной комнате, если быть точнее. — А ужин — романтический и конечно, праздничный, — беспечно продолжает он. — Ты в курсе, что сегодня католическое Рождество? А потом у тебя же День Рождения...

О, Господи! От возмущения ничего, кроме классического жеста «faceralm» и вздоха разочарования в первый момент изобразить не получается. У этого парня, похоже, ни стыда, ни совести.

— Во-первых, я тебе не детка! — ледяным тоном с расстановкой выговариваю я, взяв себя в руки. — Во-вторых, я тебя оставила здесь вовсе не для того, чтобы ты принимал ванну! Если у тебя болит нога, я, так уж и быть, отвезу тебя в травмпункт, потому что действительно виновата в твоей травме. Но никаких романтических ужинов мне от тебя не надо после всего этого!

— После всего этого? — с иронией замечает он, наигранно хмуря брови. — То есть, если бы не свечи, ты не отказалась бы от романтического ужина?

— Никакого! Романтического! Ужина! — зло отчеканиваю я, хватаю с крючка первое попавшееся полотенце и запускаю ему в лицо. Он, конечно же, ловко ловит его на лету, и, прежде чем он вдруг встает во весь рост, особо не заботясь о том, чтобы прикрыться, я успеваю заметить на его лице выражение злорадного предвкушения.

— Вообще-то я всегда думал, что свечи для того и покупают, чтобы их зажигать... а ты носишься с ними, словно это какая-то невероятная ценность... где-то читал, что склонность к коллекционированию — это психическое отклонение... — цинично рассуждает он, вытираясь, а я просто... просто теряю дар речи от такой наглости!

— Знаешь что! — восклицаю я срывающимся голосом. — Это мои свечи! Я купила их на свои деньги! Многие мне подарили! Они дорогие, некоторые из них уникальные и ручной работы! И это мне решать, когда и с кем их сжигать! А ты! Ты, видимо, не привык ценить то, что дорого другим людям!

Эмоции выплескиваются из меня практически неконтролируемо. Я сегодня и так достаточно держала себя в руках, и все это — уже последняя капля.

— Да ты просто огонь, малышка... Более гадкий характер сложно себе представить... — язвительно замечает он, вытирая волосы, а затем лицо, пока я в шоковом состоянии созерцаю его великолепное спортивное тело, по которому стекает пена. Взгляд невольно задерживается на его члене, и я понимаю, что, кажется, совсем поплыла от этого впечатляющего зрелища. Ужасно не хочется себе в этом признаваться, но его состояние и размеры не могут мне не льстить. Краснею, как школьница, и в смущении отворачиваюсь, чтобы направиться к выходу, понимая, что дальше мне здесь оставаться незачем. Только вот он, кажется, что-то сказал про мой гадкий характер, или мне показалось?

— Что-что ты сказал? — запоздало реагирую я на его дерзость и снова смотрю в его сторону, пока он оборачивает полотенце вокруг бедер и перешагивает через край ванны. — Это у меня гадкий характер?! Ты оказался в доме у постороннего человека, а ведешь себя так, будто тебе тут гостиничный номер! И вообще...

Я продолжаю возмущаться, а Макс стоит в нескольких шагах от меня, уперев руки в узкие бедра, пару секунд смотрит на меня каким-то странным затуманенным взглядом, словно в упор не слышит, что я ему говорю, а потом вдруг идет прямо на меня. Сначала мне кажется, что он просто хочет выйти из ванной, и я отступаю в сторону от прохода, но он почему-то приближается ко мне, слегка склонив на бок голову и заглядывая мне в лицо. В его неторопливых движениях чувствуется наглая уверенность и животная грациозность. Все-

таки как хорош этот гад!

Я, кажется, даже замолкаю, выбитая из колеи его магнетизмом, нервно сглатываю и невольно делаю шаг назад, упираясь спиной в стену. Он даже опомниться мне не дает, а просто склоняется к моему лицу и целует в полураскрытые губы, сразу бесцеремонно проникая языком мне в рот. С его волос ручьями течет вода, и его губы мокрые и слегка горьковатые на вкус от плохо смытого шампуня и, кажется, от Мартини. Зато свежий аромат всего его обтекающего пеной тела врзается мне в ноздри, окутывает меня всю, поглощает, выносит из головы последние гневные мысли. Его руки находят мои запястья и прижимают их к холодной кафельной плитке у меня над плечами. Его пальцы поглаживают мои ладони, вызывая озноб во всем теле. По моим рукам текут прохладные струйки воды, а мои губы бесстыдно и ненасытно требуют ласки, неистовых трений, глубоких проникновений, укусов и удушливых жадных вибраций. Я запуталась. Я ничего не понимаю и не хочу анализировать. Его рука обвивает мою шею, заставляя закинуть назад голову и прижаться всем телом к его обнаженному мокрому торсу. Из-за этой близости я вздрагиваю, будто меня окатили ледяной водой из душа. Я тут же насквозь промокаю от его влаги и позволяю ему неистово притиснуть себя к стене. Мы оба задыхаемся, и за эти пару секунд судорожных вздохов, я успеваю осознать, что происходит что-то совершенно непредусмотренное, незапланированное, непредсказуемое...

— Да какого... какого черта ты делаешь?! — шепчу я в его пышущие жаром губы, слабо пытаюсь высвободиться и чувствуя, как щеки неистово вспыхивают от запоздалого постижения происходящего, но на самом деле мне уже откровенно плевать на ответ. По крайней мере кажется, что плевать.

— Хочу тебя трахнуть, радость моя, чтобы ты заткнулась, — вдруг заявляет он с наглой непоколебимой уверенностью. — Я не выношу, когда на меря орут спесивые рыжие девчонки, возомнившие себя древнегреческими богинями.

Снова захватывая в свой плен мой рот, он медленно поднимает мне юбку до самой талии, яростно вцепляясь пальцами в попку. Его полотенце падает, и я сквозь тонкие кружевные трусики ощущаю, как его горячий твердый член крепко вжимается в мой живот. Мне остается только беспомощно постанывать в его объятьях, потому что все слова возмущения захлебываются в волне накатившего возбуждения. Я хочу его оттолкнуть, но, когда мои ладони касаются его горячей кожи в прохладных капельках воды, решимость покидает меня, и я неосознанно ласкаю его широкие мощные плечи, его вздувающиеся на сильных руках мышцы и его натренированную грудь. Может быть, если бы он не был так хорош внешне и не целовался бы так сногшибательно, я бы смогла взять ситуацию под свой контроль, но его тело, его волосы, его лицо, его губы слишком восхитительны, чтобы я нашла в себе силы прислушаться к голосу разума. В его движениях не чувствуется ни тени сомнения или неуверенности, напротив, он ведет себя так, будто он совершенно убежден, что я принадлежу ему и сделаю все, чего он только ни пожелает. Его рука бесцеремонно ласкает меня сквозь трусики в низу живота, там где все горит и пылает, а затем переходит на обнаженную кожу на бедрах, нагло сжимая, стискивая и ощупывая.

— Чулочки? Что ж ты за штучка, если даже в минус пятнадцать позволяешь себе щеголять с голыми ножками? Совсем плохая девочка? — жарко шепчет он в ухо и тут же проходится губами и языком по мочке, по щеке, по шейке. Его бедра мягко двигаются, и член трется о мой живот. Черт, он ведь реально очень большой... закусываю губку, чувствуя, как дрожат колени и ноги начинают плохо меня слушаться.

Я млею и даже не нахожусь, что ответить. Мысли позорно спутались, и я чувствую себя какой-то наивной неопытной ни разу не целованной дурочкой, первый раз в жизни пришедшей на дискотеку и попавшей в сети опытного совратителя. А ведь мой первый безумный хмельной поцелуй действительно был на дискотеке с каким-то незнакомым парнем. Дежавю... и слабость в коленях совсем как тогда... Только тогда я остановила его и даже не дала ему свой номер телефона, потому что была слишком гордой, слишком неприступной, слишком хорошей, чтобы знакомиться с парнями в таких местах. Наверное, теперь мне правда больше нравится быть плохой девочкой... соблазнять чужих мужей... сбивать красавчиков на переходе... заманивать их в свою квартиру, а потом... Ну что за бред в голове... Наверное, весь этот бред мучает меня из-за того, что он расстегнул мой пиджак и нещадно ласкает груди, нежно потирая затвердевшие соски тонким шершавым кружевом бюстгалтера... Его горячие влажные губы при этом неистово впиваются то в шею, то в щеки, то в рот... как же бесстыдно он целуется, будто в нем совсем нет тормозов... да и я, кажется, готова позволить ему слишком многое... слишком... Из моих губ вырывается глухой стон, который он гасит новым глубоким поцелуем, оттягивая мою голову назад за волосы. Не больно, но ужасно не удобно, и я пытаюсь вырваться, но он оказывается чертовски сильным, поэтому приходится подчиниться.

— Почему... — задыхаюсь я, — почему не включался свет, хотя... хотя музыкальный центр работал? — хватаюсь я за первую пришедшую в голову здравую мысль, чтобы немного остыть, в тот короткий миг, когда Макс оставляет в покое мои губы.

— Потому что я вырубил пробки только от выключателей, — шепчет он горячо мне в лицо и замирает, поймав мой взгляд. Его безжалостные ненасытные губы ухмыляются мне, а глаза смеются надо мной откровенно и нагло. — И что мне за это будет, Ника, богиня победы?

Кажется, я сейчас должна парировать, но он уже успел расстегнуть мою юбку пару минут назад, и она тут же упала на пол, а теперь он стягивает с меня пиджак, словно с принадлежащей ему рабыни, а потом бесцеремонно запускает руку мне в трусики. Я вздрагиваю и извиваюсь, прижавшись спиной и ладонями к холодным кафельным плиткам на стене. И, хотя сейчас он даже не думает удерживать меня силой, я чувствую себя бабочкой, приколотой иглой к холсту бессердечным энтомологом. Правой ладонью он опирается о стену над моей головой, а средний палец его левой руки проскальзывает в горячие влажные складочки у меня между ног и мучительно медленно и мягко двигается там, распаяя, сводя с ума, заставляя трепетать и лихорадить. По самодовольному выражению его лица, я понимаю, что он очень доволен произведенным им впечатлением. Наглый бессовестный мальчишка! А мне, пожалуй, уже поздно строить из себя снежную королеву... самое время принять его правила игры. К тому же я вдруг понимаю, что я хочу забыться — сейчас, здесь, с ним.

— Это зависит от того, на что ты способен, котик, — дерзко улыбаюсь я, склонив на бок голову и с вызовом заглядываю в его мерцающие в темноте и полные коварства глаза, а затем пробегаюсь ноготками по его щеке, губам, подбородку, шее, груди... горячей ладонью поглаживаю его крепкий поджарый живот, любясь рельефом мускулов на его великолепном теле. Наконец кончиками пальцев добираюсь до пылающей пунцовой головки его до предела вздыбленного члена и легкими нежными движениями растираю образовавшуюся там скользкую капельку по шелковистой пылающей коже. Кажется, дыхание этого самодовольного нахала слегка сбивается, а я снова поднимаю пьяняще

обольстительный взгляд, чтобы одними лишь глазами свести его с ума, и медленно облизываю влажный палец. Не без удовольствия замечаю, как Макс нервно сглатывает, с его лица сходит улыбка победителя, остается только холодная язвительная усмешка в уголке губ. Зато он стискивает челюсть, поигрывая желваками, и испепеляет меня таким хищным сладострастным взглядом, что у меня все внутри леденеет. Тем не менее, я выдерживаю этот взгляд. — Надеюсь, ты меня не разочаруешь, — добиваю я его задетое мальчишеское тщеславие.

— Значит, ты не такая уж моралистка, какой кажешься на первый взгляд?

— А ты, надеюсь, также хорош, каким пытаешься себя выставить...

Похоже, соперницы в отношениях Максу не по вкусу. Он во всем любит быть первым и просто обожает диктовать свои условия. Вот и сейчас страсть вскипает в нем и бьет через край, он превращается в зверя, которого я сама раздражила. Он неистово притискивает меня к стене, требовательно приподнимает одну мою ногу, придерживая ее под колено и прижимая к своему бедру, а свободной рукой грубо сдвигает в сторону мои трусики, которые от такого обращения, кажется, трещат по швам. Я вся пылаю и снова теряюсь, его член трется о мою влажную киску. Он слегка приседает, чтобы войти в меня, но почему-то медлит, а я млею, схожу с ума от нетерпения, дрожу и кусаю губы.

— Давай, богиня... приказывай, чего ты хочешь? — издевается он и дразнит меня легкими нежными прикосновениями и толчками там, внизу. Я нетерпеливо ерзаю и обхватываю его за шею обеими руками, чтобы притянуть его к себе и заставить его меня поцеловать. Конечно, мне не хватает смелости сказать ему то, чего я так хочу, и я таю, сгораю и извиваюсь в его сильных объятьях, пока он наслаждается моей беспомощностью. — Что, язычок проглотила? Я так и думал, что ты трусишка... но попытка меня впечатлить была хорошая... — шепчет он мне в губы и тут же впивается в них жадным сумасшедшим поцелуем, а затем входит в меня неистово и глубоко. В первый момент я даже пытаюсь вскрикнуть от болезненного спазма, но мой крик глушат его губы, а потом он просто приподнимает вторую мою ногу, придерживая ее за бедро, легко подхватывает меня под попку и начинает покачивать меня на руках, насаживая на член.

Все тело превращается в источник наслаждения, нежные стоны сами вырываются из моих губ, я сжимаю его мощный торс ногами, чтобы крепче прильнуть к Максиму, мои руки обхватывают требовательными тисками его шею, а его — по очереди перемещаются под мои колени и удерживают меня на весу за бедра. Я перебираю пальцами его мокрые волосы, впиваюсь в его ненасытные губы, но задыхаюсь и... Боже, боже... что я творю? Я же совсем не знаю этого человека...

— Пожалуйста... не останавливайся..., - вырывается из моих губ, прежде чем мои сладостные пытки становятся настолько невыносимыми, что я лишаюсь способности говорить и только издаю слабые отрывистые стоны.

— Как скажешь, богиня... — тяжело шепчет Макс в ответ и продолжает покачивать меня, держа на руках. Его мышцы твердые, как камень, дыхание прерывистое и обжигающее, а его тело теперь покрывают не холодные капельки воды, а липкий горячий пот, который он беспощадно втирает в мою кожу. Мои соски трутся о его гладкую широкую грудь, по коже бегут электрические разряды, сознание улетает в космические бездны, а мышцы напряжены до предела. Наконец я изгибаюсь дугой, Макс прижимает меня к стене, неистово рычит и пронзает меня последними мощными ударами, бешеной пульсацией и взрывом, которые дарят мне ни с чем не сравнимый экстаз и заставляют стонать в исступлении.

— Надеюсь... ты не думаешь, что так легко... от меня отделаешься, — самодовольно улыбается Макс, немного отдышавшись, и нежно вонзается зубами мне в ухо, лаская его губами и языком. Мне ужасно щекотно, и хочется тереться головой о его щеку, как ласковому котенку, и совсем не хочется, чтобы он опускал меня на пол и разжимал объятия, но я чувствую, как он устал, поэтому позволяю ему себя отпустить. Он опирается рукой о стену, тяжело дышит мне в лицо и радостно заявляет: «Это было очень круто, малышка». Я неловко поправляю растрепавшиеся волосы и боюсь поднимать на него взгляд. Между ног все мокро и течет, в уставшем теле ощущается дрожь, ноздри щекочет ни с чем несравнимый аромат секса. Кажется, я позволила втянуть себя во что-то совершенно безумное, что я еще сама толком не осознала... Рядом с этим парнем во мне, похоже, преобладает не разум, а инстинкты, поэтому анализировать что-либо совершенно бесполезно. Я в полной растерянности... я в шоке от себя самой... я краснею, словно меня уличили в чем-то ужасно постыдном, и я чувствую, что победа, кажется, за ним, потому что он волен творить со мной, что угодно, а я не смогу ему противостоять.

— Ты мог бы... выйти? — наконец поспешно произношу я слабым прерывающимся голосом и нервно кусаю губы. На Макса я так и не решаюсь взглянуть, но он наверняка в восторге от того, что заставил меня потерять контроль. Его наглую улыбочку я чувствую всей кожей и даже удивляюсь, когда он послушно выпускает меня из объятий и молча выходит из ванной комнаты, не бросив ни одного колкого замечания. Тут же запираю за ним дверь и облегченно выдыхаю. Ника... да ты, кажется, умом тронулась... мы даже не предохранялись! Конечно, я принимаю таблетки, но... но... Черт! Черт! Черт!

Глава 5

«Ника...» — произношу я беззвучно одними лишь губами, словно пробуя это имя на вкус, и его вкус мне очень нравится, хотя я еще не везде успел ее распробовать. Впрочем, у меня еще много времени впереди, чтобы затрахать ее до полусмерти во все ее соблазнительные дырочки. Теперь уж она никуда от меня не денется, пока я не почувствую, что пресытился ею как следует. Губы сами расплываются в довольной улыбке при воспоминаниях о ее жадных сладких губках и бессовестных похотливых столах — на душе становится легко и радостно. Впрочем, тут же все эти ощущения омрачает мысль, что такая девочка мне все же не по карману и не по статусу... Самостоятельная, независимая, умненькая, с характером, безнравственно красивая, да еще и в постели может быть настоящей блядью, если ее как следует распалить, — такая кому хочешь вскружит голову. Не удивительно, что на нее запал этот расфуфыренный толстосум — с ней не стыдно помозолить глаза завистникам что на официальных раутах, что в непринужденной компании дружков, партнеров или конкурентов. Представляю, как этот говнюк тешит свое тщеславие, везде таская ее за собой, как куклу. На всех корпоративных фотках в соцсетях они всегда рядом, хоть и на приличествующем расстоянии. Впрочем, он таких себе миллион найдет — на большие бабки девочки летят как мошкара на пламя... а вот она, похоже, еще не научилась иметь таких придурков по полной и выжимать из них все соки — влюбилась в него как какая-то наивная дурочка и пытается давить на чувства. Нет, с таким монстром это не пройдет, моя хорошая, они не терпят слабых, — только обломаешь свои острые кошачьи зубки и коготки, а то и сердце украсишь парочкой незаживающих ран. В этом мире крупная рыба сжирает мелкую и никак не наоборот, поэтому нужно рассчитывать свои силы и не

замахиваться на слишком большой кусок. Последнее, конечно, относится и ко мне...

Отвлечшись от своих мыслей, обнаруживаю себя перед зеркалом, висящим над комодом, и вглядываюсь в свое отражение. Хорош — ничего не скажешь. Внешность, безусловно, — одна из моих самых сильных сторон. Красота правит этим миром, особенно при наличии ума, хитрости и известной доли беспринципности. Совесть, видимо, сидела в каком-нибудь самом темном углу моего подсознания и не высывалась. Искренние чувства я себе пока что тоже не могу позволить, так что приходится довольствоваться малыми радостями и жить сегодняшним днем... Когда-нибудь, когда по-настоящему встану на ноги, я, возможно, смогу обзавестись чем-то родным и близким... а сейчас... сейчас я буду наслаждаться моментом.

Кстати, комната выглядит сказочно, даже лучше, чем днем... На сосне переливаются разноцветные гирлянды и мерцают елочные игрушки. Да и коллекционные свечи, надо сказать, атмосферу создают эксклюзивную. Немного жалко трудов этой горелкоколлекционерши, но я действительно не подумал, что она может так расстроиться из-за свечек. Зато невольная провокация удалась на славу — после конфликтов секс всегда улетный. Подхожу к окну и открываю до сих пор занавешенные шторы и занавески. Офигеть — за стеклом все белым-бело от снега: деревья, кусты, скамейки, беседки, припаркованные автомобили, крыши построек утопают под пушистыми снежными шубами, все дороги замело так, что не пройти, не проехать, а снегопад, похоже, и не думает прекращаться. В глазах мельтешит от белого шума, который в некоторых местах перечеркивают замершие в торжественном великолепии ветви деревьев, словно нарисованные мелом на тонированной бумаге и обсыпанные сверкающей пылью блессток. Выстроившиеся в ряд вдоль улицы фонари с ртутными лампами сияют таинственным голубым светом, как рампа, подсвечивающая какую-то сказочную сцену. Улыбнулся этому волшебному зимнему пейзажу и сладко потянул порядком уставшие мышцы. Сердце только-только вернулось к привычному спокойному ритму. Пожалуй, оставлю занавески открытыми, чтобы зима добавила нашей романтической атмосфере еще несколько ярких штрихов.

Осматриваюсь по сторонам и думаю, чего же еще не хватает. Журнальный столик у дивана накрыт к ужину, остается только достать из холодильника Mondoro Asti и поместить в ведро со льдом. Пожалуй, покрывало на постели нам не понадобится. Срываю его прочь и бросаю на кресло, а сам перемещаюсь на диван с пультом в руке. Все-таки, если девушка закрылась в ванной, это надолго. Однако, не проходит и двадцати минут, как моя богиня вновь появляется на сцене. Она мягко ступает босыми ногами по пушистому ковру, останавливается напротив дивана и сцепляет на груди руки. Строит из себя невозмутимую роковую красотку, но я прекрасно вижу, что она в замешательстве и взволнована, в особенности из-за моей наготы. Ее шикарные медовые волосы распущены и явно вымыты, и я с удивлением замечаю, что от воды ранее прямые пряди, лишь слегка закрученные в крупные локоны на концах, теперь вьются мелкими кудряшками по всей длине. С такой миленькой кудрявой головкой она стала еще соблазнительнее и очаровательнее. Из одежды на ней только махровый халатик, правда, такой коротенький, что, кажется, при любом неловком движении моему взору откроются очень лакомые участки ее тела. Безумно хочется развязать ее пояс, раздвинуть в стороны полы халатика и насладиться порочной наготой этой обольстительной рыжей кошечки.

— С кудряшками тебе намного лучше, — замечаю я, не переставая пожирать ее глазами

и видя, что смущаю ее еще больше.

— Кажется, ты что-то говорил об ужине? — спешит сменить тему она и принимает очень строгий вид. — Я с утра ничего не ела, если честно.

— Все готово. Даже разогрел все в микроволновке, — пожимаю плечами я, встаю с дивана, пересаживаюсь на кресло, в торец нашего праздничного стола, и указываю ей на кресло прямо напротив. Вижу, что моя фамильярность и самоуправство в ее доме ее раздражают, она недовольно поджимает губки, но все же присаживается там, где я предложил, целомудренно сомкнув ножки и опираясь локтями о колени.

— Может, все же оденешься? — не выдерживает она наконец.

— А я бы предпочел, чтобы ты разделась, — со всей серьезностью заявляю я и с удовольствием для себя отмечаю, что она начинает нервничать.

— Да хотя бы прикройся. Такой вид неуместен за столом.

Вот зануда...

— Ну... и чем же мне прикрыться, по-твоему? — скептически приподнимаю бровь я.

— У тебя, вроде, была одежда... Ты же не голым сюда пришел...

Весь ее вид воплощает холодность и высокомерие. Как же хочется ее обломать! Только вот пока не время. Я умею быть терпеливым, когда это требуется.

— Звучит не очень-то вежливо и гостеприимно... — продолжаю издеваться я, и бестия на этот раз вспыхивает.

— Так! — заявляет она ледяным тоном после вздоха, который, видимо, означает крайнюю степень негодования. — Вот тему гостеприимства давай пока что не будем поднимать. Ты и так уже достаточно злоупотребил моим терпением.

— А с терпением у тебя проблемы, как я погляжу... — комментирую я, все-таки вставая с места, чтобы исполнить прихоть своенравной хозяйки.

Ника мечет в мою сторону испепеляющие взгляды, словно молнии. Знаю, от чего ты так сердисься, малышка, — считаешь, что слишком уж быстро отдалась первому встречному, а теперь мучаешься от осознания собственного грехопадения. Ну а как же — богиню ведь нужно завоевывать, а не брать вот так грубо и властно как распутную шлюшку. Только вот придется тебе смириться с тем, что в моих руках ты в любом случае станешь исключительно бесстыдной и развратной.

Натягиваю джинсы на голое тело, прекрасно осознавая, как действует такой видок на похотливых девчонок. Ничего страшного — потерпит, ведь ее короткий халатик тоже сводит меня с ума. От фантазий о том, какая она, должно быть, душистая и влажная после душа, в голове клубится туман.

— Свитер тоже надень, — приказывает она.

— Иначе не сможешь сдержаться и набросишься на меня, не успев поужинать?

— Не смогу сдержаться и выставлю тебя за дверь без одежды!

— Хотел бы я на это посмотреть. Может, попробуешь, и посмотрим, чем все это закончится?

Теперь Ника стискивает зубки, прикусив язычок. И правильно делает, потому что я не выношу, когда девчонки пытаются мной командовать. А они пытаются иногда. Только я быстро обламываю им крылышки. Блин, а внешне она такая миленькая... необычайное сочетание прелестной женственной внешности и властного мужского характера. Почему только она постоянно выпрямляет волосы? На ноуте я не обнаружил ни одной ее фотки с кудрями.

Наконец мы садимся за стол, и я открываю и разливаю шампанское. Этой фурии точно нужно выпить. Денек у нее сегодня тот еще.

— Что ж, за тебя и за твои мечты. С днем рождения! — крайне официально произношу я, приподняв бокал. Ника лишь условно приподнимает свой и медленно отпивает глоток, поглядывая на меня исподлобья. Затем она с некоторой опаской, но не без любопытства по очереди раскрывает все коробочки с дюжиной закусок и дымящихся горячих блюд и гарниров, которые я заказал в изобилии, не скупясь на количество, изыски и расходы. Очень уж хотелось ее впечатлить. Хотя на нашем столе горят высокие расписные свечи, света все-таки не достаточно, чтобы рассмотреть друг друга во всех деталях — мягкие желто-красные полутона, пляшущие полутени и глубокая тьма обманчивы и спутывают впечатления. Однако мне хорошо видно, что на ее кукольном личике теперь нет косметики, и выглядит она более беззащитной и нежной, но не менее яркой, а еще необыкновенно чувственной и притягательной.

Едим мы в основном молча, все-таки оба мы чувствуем неоднозначность нашей спонтанной трапезы, но в особенности того, что произошло до нее. Однако, настроение Ники, кажется, все-таки теплеет, потому что она с удовольствием пробует все блюда, иногда улыбается моим шуткам и замечаниям и охотно отпускает комментарии сама. В ее зеленых глазах пляшут таинственные огоньки, а ее медовые кудри отливают расплавленным золотом. Во всех ее движениях, в осанке, во взглядах, в улыбках и речи проявляется эlegantность и утонченность. Невольно ощущаю себя рядом с ней деревенским увальнем, хотя за несколько лет в Москве я успел нахвататься и манерности, и бесцеремонности, которые помогают в любой компании сойти за своего. Учусь я вообще всему легко и быстро.

— Хороший выбор блюд, — наконец-то слышу похвалу я, а она закрывает коробочку с одной из закусок, чтобы прочесть на крышке название ресторана. — И великолепный выбор ресторана. Все-таки любопытно, чем же ты занимаешься, если можешь позволить себе вот так вдруг быть настолько щедрым?

— А ты уверена, что хочешь услышать правду? — почему-то вырывается у меня. Наверное, сказывается моя дурацкая привычка дешево повыпендриваться перед девчонками.

— Правда настолько ужасна? — усмехается Ника и кокетливо склоняет на бок голову, наконец-то встретившись со мной глазами. В ее долгом прямом взгляде столько всего намешано — ирония, похоть, вызов, предостережение, любопытство, обещание, опасение, — что у меня кровь вскипает в жилах, и я готов снова на нее наброситься, как дикий зверь, сжать, скрутить, подмять под себя, заставить трепетать, стонать, умолять, задыхаться... Но я пока что только усмехаюсь ей в ответ и откидываюсь на спинку кресла, позволяя ей любоваться своим безупречным спортивным голым торсом, а еще, конечно же, заметным бугром в паху. О, да, я знаю, о чем на самом деле думает эта бессовестная девчонка.

— Правда сильно отличается от тех версий, которые могут прийти тебе в голову, — снова даю я расплывчатый намек, продолжая раздевать ее взглядом.

— На самом деле версия у меня всего одна, — самодовольно заявляет эта дерзкая куколка и тоже откидывается назад, на спинку кресла, элегантно закидывая ногу на ногу и укладывая свои изящные красивые ручки на подлокотники. Ее волосы золотистыми облаками клубятся над ее плечами, обрамляя хорошенькое личико. Голос ее вызывающе сладок и слегка ядовит, но эти яды не отравляют, а только дразнят и манят, словно наркотик, от которого, ты точно знаешь, кайф сорвет крышу. — Ты, конечно же, студент, — чувственным полупшепотом рассуждает она. — Возможно, вполне приличного вуза. Учишься

так себе, живешь от сессии до сессии и не относишься к учебе всерьез, потому что считаешь, что и без образования все дороги перед тобой будут открыты. Ты любишь развлечься, любишь бывать в центре внимания, очень уверен в себе и обожаешь свою внешность, постоянно крутишься перед зеркалом. И ты, конечно же, склонен переоценивать себя во всем. Считаешь, что, стоит тебе поманить, и любая девушка будет у твоих ног. При этом ты не работаешь и живешь за счет родителей...

Ника улыбается дьявольской улыбочкой, по которой прекрасно видно, чего ожидает от своих провокаций эта очаровательная стерва. Мне кажется, или она действительно возомнила себя такой смелой и проницательной?

— Занятная версия... ты явно хотела мне польстить, — усмехаюсь я и невольно поглаживаю губы, смакуя предположение, как она отреагирует на настоящую правду. Нет, я вовсе не собирался сознаваться ей во всем, но она ведь просто напрашивается... А то, может, еще и приукрасить все так, чтобы у нее между ножек стало мокро не только от возбуждения, но и от страха? — Что ж, раз ты решила расписать все так подробно, я тоже расскажу тебе свою историю в некоторых деталях.

Желая немного потянуть время, я обновляю оба наших бокала с шампанским и выпиваю свой до дна.

— Итак... Родом я из провинции... если быть точнее, то из одной вымирающей деревеньки, в которой кроме алкашей и стариков сейчас мало кто остался. Мои родители — очень бедные и очень простые люди... никаких дипломов, связей и даже представлений о том, как пробиться в этой жизни и хоть что-то изменить к лучшему... Они даже мечтать никогда не умели, ну... или разучились так давно, когда меня еще на свете не было... Отец мой пил, мать пахала на огороде и на местной птицефабрике, пока ее не разорили и не прикрыли. Лет с четырнадцати я фактически содержал себя сам, хоть и жил в родительском доме. Подрабатывал грузчиком в местных магазинчиках и продавал всякий хлам в электричках, пока не осознал, что, если я не изменю что-то кардинальным образом, то навсегда останусь в этой яме... Учился я, кстати, всегда неплохо. Наверное, поэтому наша классная прониклась ко мне какими-то добрыми чувствами и убедила уезжать из нашего захолустья в город... Она была в курсе моей семейной ситуации... пьянки отца, драки, скандалы... в общем всякое бывало... Собственно, именно моя классная и помогла мне подготовиться к экзаменам и без проблем поступить в приличный московский вуз, хоть и на платное отделение. Даже сколько-то денег дала на первое время и помогла задешево снять комнату у знакомых... Вот так, Ника...

Я вздыхаю и прерываюсь, немного расчувствовавшись под воздействием воспоминаний. Однако заметив, как посерьезнело лицо Ники и как с него постепенно сошло выражение надменного превосходства, сам не могу сдержать надменную улыбочку.

— Ну что, столичная fifa? Нравится моя история?

Ника поспешно опускает глаза и призадумывается, виновато покусывая пухлую губку.

— На что же ты теперь живешь?

— А вот это самая интересная часть моей биографии, малышка. И самая нелицеприятная. Я вор. Вор-карманник.

— Вор? — Ника недоверчиво хмурится и упрямо приподнимает плечико. Она изучающе смотрит мне в глаза, пытаюсь угадать, шутка это или правда. Видимо, самодовольное и даже злорадное выражение моего лица подсказывает ей, что что-то правдивое в этом вызывающем заявлении есть. — В каком же вузе теперь обучают сей древней профессии? — наконец

настороженно уточняет она.

— Учусь я на экономиста, так что одно другому не мешает.

— Значит, ты учишься... и..?

— И... обчищаю кошельки незадачливых жертв... Тем и живу... причем неплохо, как видишь... — выдаю я, почему-то испытывая невероятное облегчение от того, что хоть кому-то исповедался в своем тайном грехе.

Губки Ники раскрываются и очень соблазнительно ловят ртом воздух, а длинные пушистые реснички порхают вверх-вниз. Она снова хмурится, поправляет свои непокорные кудряшки и хватается за бокал с шампанским, делает пару больших глотков и вновь испытующе смотрит на меня. На ее лице опять появляется выражение растерянности и гнева.

— Ты ведь и меня ограбил, да? У меня денег в кошельке не оказалось, и я подумала, что что-то перепутала, потратила или забыла снять с карточки...

Черт, про это я даже как-то забыл, ведь я вообще не собирался ей в чем-либо признаваться, просто так вышло совершенно случайно из-за этих ее провокаций, поэтому я и не был готов к обороне. По сути мне нечего на это ответить, и я только пожимаю плечами, но взгляд не отвожу, потому что не собираюсь оправдываться. Впрочем, кое-что я все-таки добавить могу.

— Твои деньги в сейфе, — спокойно констатирую я. — Я не потратил ни копейки. Так что не переживай, ужин и шампанское — за мой счет.

— Ты... ты еще и в мой сейф залез?! — Ника подскакивает с места, вся кипит от негодования. Я тоже встаю. Почему-то вся эта сцена дико меня заводит. В джинсах уже давно жутко тесно и не удобно, а я не могу не думать о том, что под халатиком она совершенно голая и только что после душа. Кстати, халатик ее слегка распахнулся сверху, и я вижу округлые очертания ее упругих торчащих грудок. Сквозь ткань проступают маленькие бугорки сосков. А от ее умопомрачительных стройных ножек даже руки дрожат в нетерпении. Перед внутренним взором тут же всплывают ее откровенные фотографии, я вспоминаю жар ее кожи, вкус ее губ, аромат ее возбуждения и сладостные стоны блаженства, когда я трахал ее в ванной. Я невольно делаю шаг ей навстречу.

— Не смей ко мне приближаться! — вдруг лепечет она и отступает. А ведь теперь девочка не на шутку испугалась. Это правильная реакция, а то слишком уж она воинственная и самоуверенная. Настигаю ее в несколько шагов, после небольшой борьбы с наслаждением скручиваю ей руки, разворачивая к себе спиной и крепко прижимая к груди. Всем телом чувствую, как стук ее сердца отдается у меня внутри.

— В чем дело, малышка? — страстно шепчу ей в самое ушко и покрываю влажными поцелуями ее божественную шейку, отчего сопротивление ее на пару секунд слабеет. — Предпочитаешь маменькиных сынков?

— Я тебе не малышка! А ну отпусти! — с новой силой рвется она. — Мелкий воришка мне уж точно не нужен!

— Не такой уж я мелкий, — ехидничаю я, подталкивая брыкающуюся в моих объятьях Нику к комоду с зеркалом. Она такая легкая, гибкая и горячая — все эти ее трепыхания только еще больше сводят меня с ума, особенно учитывая тот факт, что ее круглая упругая попка трется о мой член, когда она выкрикивает какие-то забавные ругательства в мой адрес. Бедами я вжимаю ее в комод, а обе ее маленькие ручки мне с легкостью удается перехватить одной рукой, а другой я нетерпеливо расстегиваю свои джинсы, а затем задираю

ее халатик. Наконец членом чувствую горячую кожу ее ягодиц, вжимаюсь в нее и ненасытно трусь, вдыхая аромат ее волос и любясь ее отражением в зеркале. Она все еще пытается вырвать руки, но это только приводит к тому, что халатик сползает с ее плеча и обнажает пышные соблазнительно колышущиеся груди с маленькими затвердевшими сосками. От одной только этой картинки можно кончить за секунду. — Да успокойся ты уже, — приказываю я, немного устав от борьбы. — Не собираюсь я тебя грабить, иначе ни за что бы не признался тебе во всем. Просто... мне показалось, что ты поймешь.

— Да с чего бы это?! — выкрикивает она, буравя мое отражение в зеркале ожесточенным взглядом.

— Во-первых, потому что ты умная и проницательная девочка. Я же вижу. Во-вторых, потому что ты по сути такая же как я — готова на многое пойти ради достижения своих целей и удовлетворения своих амбиций.

— Что?! Что?! В чем это я такая же?!

— Надеюсь, ты понимаешь, что трахаться с женатым мужиком — грешок ничем не лучше воровства.

— Но это не уголовное преступление! И это вообще не твое дело!

— Тут ты права, конечно, но как насчет законов нравственности? В другой стране и в другие времена такую как ты зеленоглазую рыжую распутницу сожгли бы на костре. Разве нет? — Я, наконец, пробираюсь рукой к низу ее плоского животика и нащупываю там маленький треугольничек мягких коротких волосков, а дальше — голые пухлые губки. От прикосновения к этим мягким шелковистым прелестям нас обоих, кажется, бьет током, и эта ведьма наконец-то перестает болтать, не найдя убедительных аргументов, извивается и, словно рыбка, жадно ловит ртом воздух. Отпускаю ее руки и начинаю ненасытно дразнить лаской ее груди, то нежно их сжимая, то едва заметно задевая и прихватывая соски. Ее ножки все еще упрямо сведены вместе, но это не помеха — ее голенькая киска настолько мокрая, что мои пальцы без труда проскальзывают спереди в ее сладкую щелку и могут делать там все, что мне заблагорассудится.

— Не тебе учить меня законам нравственности, — запоздало и совсем не убедительно парирует она заметно ослабевшим голосом, и я прекрасно вижу в зеркале, как она наслаждается тем, что я с ней делаю, хотя какая-то ее часть все еще пытается противостоять соблазнам.

— Тогда поучу тебя трахаться... Пригодится в жизни... — едва заметно улыбаюсь я, и в моем голосе уже слышится хрипотца от возбуждения и волнения. — Хочешь медленно и нежно? Или быстро и жестко? — сладко шепчу в ее ротик, который так хочет, чтобы его поцеловали, но пока что все же не дается мне из упрямства и гордости. Взгляд златовласой красавицы в моих объятьях пьянеет от ласк, дыхание сбивается, а красивые белоснежные зубки впиваются в алые губки от нетерпения. Она льнет ко мне всем телом, царапает коготками мои руки, безрезультатно пытаясь подчинить их своей воле, и лепечет не очень внятно, но все еще воинственно: «Иди ты к черту!».

— Я так и думал, рыжая ведьма... — мой рот изгибается в дьявольской улыбке, руки крепко сжимают ее стан, и я всем телом наваливаюсь на нее, заставляя согнуться пополам и лечь на комод грудью. Ника тяжело дышит, чуть ли не стонет от переполняющей ее обиды поражения, но когда я направляю член в ее узенькую от перевозбуждения текущую щелку, прогибается в пояснице, приподнимая попку мне навстречу.

— Вот так, моя хорошая, — задыхаюсь я, дуря от кайфа и выпрямляясь.

— Придурок! — выпаливает она, едва дыша, но я начинаю двигаться в ней медленно и глубоко, крепко сжимая в ладони охапку ее кудрей и прижимая девушку к комоду. По началу она замирает и не издает ни звука, словно пытается взять себя в руки, но я дразню ее то долгими нежными медленными скольжениями, то стремительными мощными толчками, и все ее тело начинает отвечать мне нетерпеливыми сладострастными движениями, словно в магическом танце. Чувствую, что долго мне такими темпами не протянуть, поэтому нехотя отпускаю Нику на свободу, чтобы в следующее же мгновение сорвать с нее истерзанный халатик и сжать ее, голую и разгоряченную, в объятьях.

Ее дрожащий ротик так и напрашивается на развратные действия, его хочется ласкать, сосать и ебать, и я впиваюсь в него властно и жадно, сводя ее с ума языком, заставляя ее глухо постанывать и крепче обхватывать меня за шею, впиваясь коготками в кожу. Она извивается, ластится и тоже требовательно работает язычком. Легко подхватываю ее под попку — и через несколько секунд мы уже оба сплетаемся в объятьях на постели, необузданные, ненасытные и задыхающиеся. Прекрасно понимаю, что, если войду в нее сейчас, практически тут же кончу, а мне хочется подольше насладиться адреналином от этой сумасшедшей страсти, да к тому же заставить ее выйти из-под контроля и превратиться в дикую тигрицу. Я знаю, что она это может, хотя, вероятно, даже не подозревает об этом.

Я отрываюсь от губ Ники и ложусь рядом с ней на бок, пропуская одну руку ей под голову и перебирая пальцами ее кудри. Эта похотливая кошечка беспокойно ерзает в моих объятьях, потому что ей дико хочется трахаться, а она понятия не имеет, чего от меня ожидать. Сладко и глубоко целую ее жадный ротик, но тут же отстраняюсь, вновь приближаю губы, но лишь дразню ее легкими, едва уловимыми прикосновениями. Девочка начинает нервничать и извиваться, а затем пытается притянуть меня к себе левой рукой, потому что правую я надежно прижал к постели собственным телом. Я перехватываю ее за левое запястье, полностью лишая способности своевольничать, а затем снова распаляю ее коротким откровенным поцелуем.

— Попалась, кошечка, — шепчу я в ее часто дышащий ротик. Ника, конечно, тут же пытается вывернуться, но не тут-то было. Долго смотрю ей в глаза, пока в них не загорается бесовский огонек, а щеки не вспыхивают алым в желтом свете свечей.

— Ну и что ты мне сделаешь? — в ее голосе, конечно, звучит вызов, но в основном все-таки звенят тревожные нотки.

— Заласкаю и заебаю до беспамятства, — обещаю я и начинаю неторопливо покрывать поцелуями ее шейку, плечи, ключицы, едва заметно продвигаясь к ее наливным грудкам, покрытым мелкими волнующими пупырышками. Ее сосочки заслуживают отдельного внимания, не только потому что они такие соблазнительно красивые и похотливо торчащие, но еще и потому что любое прикосновение к ним заставляет ее вздрагивать и выгибать спинку. Мучительно долго щекочу один языком, а другой поглаживаю ладонью, потом посасываю первый и покручиваю пальцами второй. Между тем, рука скользит по ее гибкому стану вниз, по упругому животику, на несколько секунд задерживается на мягком треугольничке на лобке, а затем заставляет Нику испускать нежные стоны. Неспешно поглаживаю не только бутончик, но и пухленькие мягкие губки — она там вся мокрая, скользкая, горячая. Как только возбужденная до предела девочка начинает метаться, словно в агонии, осторожно ввожу палец в ее текущую узенькую щелку и нежно потрахиваю ее, заставляя Нику подмахивать попкой мне навстречу и бесстыдно разводить ножки. Свободной рукой тяну ее за кудри на затылке, не позволяя уворачиваться от моих поцелуев.

Заставляю ее биться в моих руках, пока не ощущаю внутри ее киски первые спазмы.

— Чшшш... тише... разве я разрешал тебе кончать? — издеваюсь я, вынимая палец до того, как она успела словить кайф, и нежно поглаживая им ее пересохший ротик.

— Пожалуйста... хочу еще... — отрывисто и беспокойно умоляет она, извиваясь, облизывает мои пальцы и получает в награду новый страстный поцелуй. Ее вкус просто умопомрачителен. Хочется упиваться им до беспамятства, но с этим еще можно подождать. Отпускаю наконец ее руки и сажусь на колени. Джинсы я еще не успел снять, поэтому видок с расстегнутой ширинкой у меня тот еще... Впрочем, это как раз то, что нужно этой похотливой бестии, потому что она пожирает мой вздыбленный член взглядом, встает на четвереньки и подбирается ко мне грациозно, как кошка к своей добыче. Желая меня подразнить, трется кудрявой головкой о мою шею и грудь, проходится язычком по соскам, по животу, возвращается к моим губам и целует вскользь, словно всего меня хочет облизать. Наконец ее пальчики ныряют в прорезь моей ширинки и нежно поглаживают и сжимают мошонку, пробегаются по стволу и снова спускаются вниз. Соблазнительно выпятив попку, рыжеволосая богиня склоняется передо мной и сладко лижет член у основания, а затем и по всей длине, сжимает его в ладошке и скользит ею то медленно и томно, то быстро и пылко. Ее губки замирают над пылающей от возбуждения головкой, и язычок жалит ее короткими, частыми обжигающими мазками, а влажная ладошка продолжает скользить вверх-вниз, распалая, но не даря облегчения.

Любуюсь развратной игрой моей мучительницы, слегка придерживая ее непокорные кудри. Волосы почти высохли и превратились в пышную золотую гриву. Пожалуй, эта дикая шевелюра и правда не подходит к образу строгой деловой леди — Ника во всей своей красе выглядит довольно вызывающе и распутно... Впрочем, едва ли я могу быть объективным, когда мой член начинает посасывать такая обворожительная ведьма. Дыхание у меня сбивается, с губ срываются едва сдерживаемые стоны, мышцы напрягаются и сами заставляют меня двигаться навстречу ее роту. Распалив до предела, она плотно сжимает губками головку, вылизывая ее горячим язычком и тут же выпускает на свободу, затем проделывает этот фокус раз за разом, пока не ощущает напряжения под пальчиками, сжимающими мой член. Тогда она выпрямляется и встает на колени прямо передо мной, облизывает свой бессовестно чувственный ротик и искривляет его в коварной усмешке: «Разве я разрешала тебе кончать?».

— Иди сюда, — смеюсь я и тяну ее к себе, сажая верхом на колени. Несколько секунд мы пожираем друг друга глазами, пока она плавно покачивается на мне, притираясь ко мне животиком и требовательно торчащими грудками. Ее личико жутко самодовольное, а глаза сверкают от похоти и, конечно, от выпитого накануне шампанского. Когда она приподнимается, направляю член в ее киску и с наслаждением наблюдаю, как она в ту же секунду вспыхивает, закрывает от блаженства глаза, закидывает назад голову и судорожно вздыхает, произнося почти беззвучное «ах». Ее разум и воля больше не принадлежат ей, единственное, на что она способна теперь, это извиваться и скакать на моем члене, удовлетворяя свои животные инстинкты. Крепко сжимаю ее гибкий стан и впииваюсь в ее сладкий ротик, на время лишив ее свободы действий. Она нетерпеливо ерзает, тяжело дышит, ненасытно терзает мои губы и впиивается коготками мне в спину, но я наслаждаюсь ее беспомощностью и своей властью.

— Макс... Макс... прошу... пожалуйста... — лепечет она торопливо и почти жалобно, но сама даже не пытается освободиться от моей хватки, подрагивает, покусывает мои губы и

нежно стонет от любого моего движения. Чувствую, как напрягаются все ее мышцы, дыхание становится частым и прерывистым, а ее кожа покрывается испариной. Все-таки как же я люблю мучить распутных похотливых девчонок... Наконец я выпускаю ее на свободу, она делает всего пару неистовых рывков и изгибается дугой, держась за мои плечи, закидывает назад голову и содрогается от мощной вспышки наслаждения. Из ее губ вырываются блаженные стоны. Одной рукой я придерживаю ее за спину, а другой — грубо сжимаю ее упругие грудки и по очереди выкручиваю сосочки. Тяжело дыша, она прижимается ко мне всем телом, обнимает за шею и ласково трется щечкой о мою щеку, перебирает пальчиками волосы у меня на затылке, а затем нежно целует везде, куда может достать. Кошачьи нежности счастливой удовлетворенной девочки... Правда, для меня — это только начало...

Глава 6

Первое, что я чувствую, проснувшись, — мягкое щекотное прикосновение чего-то теплого и пушистого к щеке, а затем — уколы острых коготков на плече. Еще ничего не соображая, я пытаюсь отмахнуться и зарыться в одеяло, но постепенно меня охватывает какое-то неопределенное чувство, что кругом все совсем не так, как всегда. Во-первых, это тяжелый запах тлеющих свечей. Во-вторых, это яркий солнечный свет, который заливают всю комнату. Жмурюсь, нехотя открывая один глаз. Шторы и занавески почему-то распахнуты настежь, а через окно виднеется пронзительно голубое небо. Такое чувство, будто я проспала вечность и проснулась в другом времени года — скорее всего поздней весной, когда всюду заливаются птицы, все благоухает и цветет. Сладко потягиваюсь и вдруг понимаю, что все тело ноет от усталости, а еще — что я голая, а между ног все ужасно мокро и липко. Немедленно открываю глаза и подсакиваю на постели, обводя взглядом комнату. Сначала воспоминания накатывают постепенно, как волны ласкового прибоя, но потом вдруг налетают неистовой бурей и приводят меня в трепет, в шок, в иступление. Сердце мечется в груди, как пойманная в ладони бабочка, глаза распахнуты от удивления, ртом я лихорадочно хватаю воздух, а пальцами — и без того измятую простыню.

В квартире абсолютно тихо, кажется, что я одна, но полной уверенности быть не может. Прежде чем встать, беспокойно оправляю волосы и тру ладонями лицо, чтобы прогнать сон. Вместе с приливом сил невольно всплывают все новые и новые детали минувшей ночи, и все лицо вспыхивает, словно опаленное жаром костра. Мне это только снилось, или вчера я действительно совершенно вышла из-под контроля, позволив незнакомому парню творить со мной все, что ему заблагорассудится? Если честно, то некоторые вещи тут же хочется забыть или как-нибудь удостовериться, что они мне всего лишь привиделись, особенно то, что он заставлял меня говорить, глядя ему в глаза... и, конечно, то, что нашептывал он сам — бесстыдно, нагло, самоуверенно... О, боже... Какое-то время я точно не смогу общаться с людьми, не краснея от осознания собственной порочности. Даже сейчас, после этой безумной ночи бесконтрольных чувственных наслаждений, во мне поднимается горячий прилив возбуждения. Только Кики, беспокойно наматывающая круги у постели и урчащая, как маленький игрушечный вертолет, заставляет меня отвлечься от развратных мыслей. Бедная моя девочка — я ведь не кормила ее с прошлого утра! Какая же безалаберная и эгоистичная злодейка твоя хозяйка! А еще бессовестная развратница...

Поспешно встаю с постели, но пока что не решаюсь заговорить с кошкой или еще как-

нибудь шуметь. Опасение, что в любой момент я могу снова увидеть этого дьявола в облике очаровательного мальчишки модельной внешности, заставляет мое сердце замереть и двигаться в собственной квартире бесшумно, словно воровка. Воровка... очень кстати в голову пришло это сравнение. Ха... Если после всего этого окажется, что он меня еще и обобрал, то я и в зеркало не скоро смогу на себя взглянуть без стыда... в жизни не совершала подобных сумасбродных поступков...

Я бесшумно ступаю по полу босиком, стараясь при этом не споткнуться о вертящуюся у ног Кики. Она захлебывается от урчания, прерываемого хриплыми голодными мяуканьями, а я даже не смею дышать. Осторожно толкаю приоткрытую дверь в туалет, затем в темную ванную. Пусто. Уже гораздо смелее спешу на кухню, но там тоже никого не обнаруживаю. Даже не знаю, что я сейчас испытываю — облегчение или разочарование. Хмурюсь и в замешательстве тру губы, пока Кики не впивается мне зубками и коготками в щиколотку, игриво нападая на мою ногу сзади.

— Ай! — вскрикиваю я. — Ах ты маленькая хищница! — Затем беру котенка на руки и прижимаю к обнаженной груди, поглаживая и зарываясь носом в его густую пушистую шерстку на загривке. — Бедная моя изголодавшаяся охотница! Зато за мою оплошность устрою тебе сегодня праздник живота — получишь свои любимые хрустяшки, а не консервы.

Кики недовольно выворачивается из моих рук. На голодный желудок настроение у нее совсем не для тисканья. Насыпаю ей полную мисочку сухого корма и меняю воду, включаю чайник и возвращаюсь в комнату. Только теперь взгляд останавливается на сгоревших почти до основания свечах. Этот вандал поставил их на салфетки, но все-таки стекший воск попал и на мебель. Коротко вздыхаю, но особых сожалений почему-то не испытываю. А еще задаю себе вопрос — был ли у меня шанс остановить все, что происходило вчера? Закусываю губу, чтобы не улыбнуться бессовестной довольной улыбочкой, и отрицательно мотаю головой. Закрываю руками лицо и шепчу в ладони: «О, господи!!! Это было так классно!!!» Только вот...

Мысли вдруг вновь возвращаются к тому, что рассказывал о себе этот тип, и я в волнении бросаюсь к вазочке, в которой я храню ключи от сейфа. Да, я знаю, как это глупо выглядит, но где еще их хранить? Не носить же везде с собой на шее на золотой цепочке, а в квартире любое место не достаточно надежно. Слегка отодвинув в сторону статую своей божественной тетки, протягиваю руку к конфетнице, но ничего там не обнаруживаю. Твою же мать! Быть этого не может! Шарю пальцами по всей полке, потом подставляю стул, чтобы как следует все осмотреть, но... но... Какая же я идиотка! Горло тут же перехватывает болезненный спазм, глаза жжет, и я стискиваю зубы, чтобы не заплакать. Неужели правда можно быть такой скотиной?! А, собственно, почему нет... он даже не скрывал ничего и откровенно издевался... От накатившего чувства гадливости даже подгибаются колени, и я опускаюсь на ближайшее кресло, чтобы не упасть. Заставляю себя расслабиться и глубоко подышать. Пытаюсь вспомнить его слова, его интонации, когда он рассказывал мне о себе, но все равно возвращаюсь мыслями к его губам, рукам, волосам, телу... Ну и на хрен все! На хрен! Я сама виновата... надо было выставить его сразу же после того, как он набросился на меня в ванной. Ведь все было в моих силах! После этого еще был бы смысл заявить в полицию, а сейчас... Мне даже стыдно подумать о том, что я буду там рассказывать... привела в дом первого встречного и тут же ему отдалась... таким даже с друзьями и уж тем более с родителями не поделишься...

От разрывающих меня чувств голова идет кругом. Я заставляю себя встать и начинаю

тщательно обыскивать квартиру. Осматриваю каждую пядь, терпеливо раскладываю по местам вещи, перерываю весь диван, стаскиваю с постели постельное белье, заглядываю даже под кровать, а потом и под остальную мебель. Приношу из кухни пакет для мусора и по очереди сваливаю туда все огарки от свечей, еще раз проходясь взглядом по всем поверхностям. Залезаю даже в ящик с дисками... Но нет... ключи действительно пропали. Подхожу к окну и закидываю назад голову — наверное, чтобы слезинки не скатились из глаз, но они все равно катятся и обжигают кожу. Ведь он же знал, что меня уволили... да и про Володю все понял... Как он мог?! Кулаком растираю слезы по щекам, словно маленькая обиженная девочка. И правда — разве можно быть такой наивной дурочкой..? Как выясняется, можно.

Я уже готова спустить с тормозов все наболевшее, что мучило меня на протяжении последних недель, и позволить себе наконец-то предаться отчаянию, но в дверь вдруг звонят. Сначала в волнении бросаюсь к двери, но потом вдруг вспоминаю, что я голая. Вот блин! Какой же я стала растяпой! Ношусь по квартире в поисках халата, подбираю его с пола и под нетерпеливые трели звонка нацепляю его как попало. Открываю дверь, забыв спросить, кто там, и ошарашенно плююсь на стоящего передо мной молодого человека с большой коробкой в руках. У того тоже отвисает челюсть, когда он смеривает меня взглядом с ног до головы. Правда, надо отдать ему должное, он быстро берет себя в руки, а я поспешно оправляю халатик. Впрочем, видок у меня в любом случае тот еще. Без укладки я выгляжу как ведьма после шабаша, да еще и полуголая стою фактически.

— Вам кого? — выпаливаю я, чтобы прервать наконец неловкое молчание.

— Эээ... «Флорист-сервис», — мямлит он, поправляя фирменную зеленую бейсболку с логотипом и неловко перехватывая коробку одной рукой. Потом долго роется в кармане, выживая оттуда документы на доставку, раскладывает их на коробке и, не спуская с меня восхищенного взгляда, нащупывает на груди ручку, прикрепленную к нагрудному карману. — Вот. Распишитесь, пожалуйста.

Я хмурюсь, но все-таки расписываюсь на автомате в его бумажках, а затем беру в руки протянутую мне посылку. Первое, что приходит в голову: это, наверное, Владимир вдруг вспомнил про мой день рождения и пытается хоть как-то загладить свою вину. Правда, он не романтик, скорее подарил бы что-то более ценное и практичное, а не цветы. Тем не менее, догадка у меня всего одна, и я уже собираюсь закрыть дверь, бросив рассеянное «спасибо». Но молодой человек почему-то не уходит и что-то еще лепечет, сбиваясь.

— Там... там еще одна коробка внутри. По просьбе клиента.

— Спасибо, — киваю я, непроизвольно скривляя губы в усмешке, ведь молодой человек покраснел, как маков цвет. У меня что, на лице написано, чем я занималась накануне?

Я захлопываю дверь, ставлю малахитово-зеленую с золотым узорчатым тиснением коробку на комод в прихожей и снимаю с нее желтые ленты и крышку не без волнительного предвкушения. Сорок девять крупных голландских желтых роз и даже без открытки или подписи. Как мило... На толстых стеблях с сочной густой листвой лежит небольшая черная продолговатая коробочка. Заглядываю в нее и раскрываю рот от удивления. Там, на белой атласной подкладке, лежит мой ключ от сейфа!

Во всем теле появляется какая-то предательская слабость. Направляюсь к заветной картине, снимаю ее со стены и отпираю сейф. Замешательство — затем выдох облегчения. Весь мой «золотой резерв» на месте. Даже наличка, которую этот воришка стащил из моего кошелька. Ощупываю пачки с купюрами и замечаю между ними что-то красное. Беру этот

странный предмет в руки и с любопытством его изучаю. Это объемное красное сердечко величиной с мою ладонь, слепленное из расплавленного воска. На него булавкой приколот листок для заметок со словами: «Пусть это пока что хранится здесь. Ему тут будет надежнее. Макс».

Уголок губ сам приподнимается вверх, и я ошеломленно качаю головой. Ника, Ника... с кем же ты связалась? Парень ведь не промах — умеет поиграть на чужих нервах и при этом сделать красивый жест напоследок. Кровожадно перебираю в мыслях разные ругательства, чтобы определиться, как бы его назвать после этого... потом сдаюсь, потому что больше не могу на него сердиться по-настоящему. Все это такое ребячество... Разве что в постели он вел себя ну очень по-взрослому. Улыбаюсь такой глупой формулировке и кладу сердечко на место в сейф, а сама подхожу к зеркалу и разглядываю свое немного осунувшееся после бессонной ночи лицо с пылающими щеками и горящими глазами. Волосы торчат во все стороны как у куклы, и я почему-то совсем не кстати вспоминаю, как мальчишки дразнили меня в детстве «Пеппи Длинный Чулок». Сейчас это прозвище уже совсем не кажется обидным, но тогда я страшно бесилась и обижалась, потому что какой же нормальной милой девочке понравится быть похожей на маленькую чокнутую разбойницу, а не на принцессу. Но разбойница в чулочках — это ведь даже круто, не? Не могу удержаться и в голос смеюсь над своими глупыми мыслями. Должно быть, это нервы. Кто бы мог подумать, что жизнь всего за сутки может так круто измениться, да и ты сама уже не кажешься себе той, что была вчера...

Сбрасываю с себя халатик и кручусь перед зеркалом, не без удовольствия рассматривая свое тело. Провожу пальцами по губам, по шее, по груди, слегка задержавшись на чувствительных сосочках, затем очерчиваю безупречные формы тонкой талии и женственно округлых бедер, поглаживаю треугольничек на лобке, конечно же, не без самодовольной улыбочки снова вспоминая о тех восхитительных пытках, которыми изводил меня Макс. Черт, пора заканчивать с этими бессовестными фантазиями! Мне же не шестнадцать, чтобы так легко велась на одну ночь крутого секса и цветы... «ночь очень крутого секса», — само собой напрашивается более точное определение... и я заставляю себя глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть, сложив губки трубочкой, чтобы остудить пылающее во мне пламя.

В следующий миг я осознаю вдруг, что все совсем не так уж плохо в моей жизни, как мне казалось еще прошлым вечером. Во всяком случае впереди не безумные и бесконечные будни, в которых некогда продохнуть с раннего утра и до поздней ночи, а настоящие праздники: прогулки, шоппинг, подарки, долгожданные встречи с друзьями и родственниками, а, может быть, даже полнейшее безделье с книжкой в руках или перед телевизором на диване. Вообще-то ту наличку, что я накопила в сейфе, я всегда считала неприкосновенным запасом на черный день. Но, возможно, этот день наступил именно сегодня, хотя никаких мрачных эмоций я не испытываю, как ни странно... пока не испытываю...

Привычка рационально мыслить и все расписывать по строгим графикам все-таки заставляет меня взять в руки мобильный и прокрутить ежедневник. Напоминалки по работе немного выбивают из колеи, как и запланированные свидания накануне Нового Года с Володей. Кстати, я ведь уже купила ему подарок — дорогущее портмоне от Armani, да еще и коллекционную монетку... Ха, сейчас этот подарок кажется жестокой насмешкой над собой же... Кошелек и монетка — что еще может подарить бухгалтер своему шефу... Он ведь всего лишь шеф и ничего больше... бывший шеф... Нетерпеливо тыкаю в экран, чтобы проверить

входящие звонки и смс в надежде все-таки найти какие-то доказательства, что я ему нужна. Но неотвеченных входящих звонков нет, а все недавние старые смски сухие, деловые и безнадежно короткие. Когда же у нас было последнее настоящее свидание? Месяца полтора назад или даже два? Он говорил тогда, что третье и четвертое января будут принадлежать только нам. Если бы я знала, что тот раз был последним... Горькие и жгучие слезы все-таки наворачиваются на глаза, но я стискиваю зубы и зажмуриваюсь, стараясь выгнать из головы всю эту тоску и боль, которыми я могу изводить себя днями и неделями, если только позволю себе расслабиться.

Знаю, что сейчас мне нельзя оставаться одной и бездействовать, в противном случае я сойду с ума и скачусь в депрессию, как бывало уже не раз после неудачных отношений с мужчинами. Упрямо вытираю слезы и обиженно тяну носом, а затем умываюсь и поспешно ищу одежду, чтобы как можно скорее выйти из дома. Не буду краситься, натяну джинсы, свитер и спортивную куртку, свою безумную шевелюру оставлю распущенной, на уши надену меховые наушники и до самого носа закутаюсь огромным полосатым шарфом. До Нового Года всего несколько дней, а мне еще всем нужно закупить подарков. «То-то мама обрадуется, когда к ней явится с повинной ее блудная дочь...», — не без сарказма замечаю про себя. Вспоминаю вдруг про цветы и про автоответчик. Пока расставляю душистые свежие розы в огромной хрустальной вазе, слушаю поздравления близких мне людей. По щекам текут слезы, но благодаря этому тонкому аромату цветов и еще благодаря предмету, который теперь хранится у меня в сейфе, на душе все-таки не боль, а всего лишь светлая грусть. Я буду скучать по тебе, Макс.

Глава 7

Терпеть не могу прощания. Наверное, именно поэтому я почти всегда инстинктивно просыпаюсь раньше своих любовниц, чтобы иметь возможность смыться, если мне этого вдруг захочется. Впрочем, после сегодняшней ночи мне почему-то очень хочется дожидаться, чтобы девушка, крепко спящая на моем плече, проснулась. Ее медовые кудряшки щекочут мне лицо и шею, ее хорошенькая головка отдала мне всю руку, так что она уже онемела до самых кончиков пальцев. От ее доверчиво прильнувшего ко мне тела невыносимо горячо, к тому же она еще и одеяло так накрутила на ноги, что я просто изнываю от жары. Тем не менее, на моих губах играет дурацкая довольная улыбочка, и я не смею шевельнуться, чтобы не потревожить ее сон. Об утренней эрекции стараюсь не думать, хотя дается это довольно трудно, особенно когда она начинает тихонько возиться в моих объятьях, выбирая позу поудобнее. Зарываюсь носом в ее кудри и с наслаждением вдыхаю ее аромат. Аромат секса, цветочного шампуня, ее кожи, ее феромонов.

Эту утреннюю идиллию вдруг нарушает жужжание мобильного на прикроватной тумбочке. Матерюсь сквозь зубы и тянусь за телефоном Ники, аккуратно вытягивая из-под нее руку и мягко сдвигая ее голову на подушку. Успеваю мельком глянуть на экран и отметить для себя, что звонит ее шеф.

— Да, — вызывающе беспечным тоном отвечаю я, встаю и, потягиваясь, отправляюсь на кухню, прикрыв за собой дверь. На том конце провода зависает пауза, затем слышится слегка раздраженный и настороженный мужской голос.

— Эээ... Кто это?

— А Вы кто? — хмурюсь я и намеренно добавляю в голос хамоватых ноток.

— Извините, я, наверное, не туда попал... — быстро конфузится шеф и тут же вешает трубку. Даже жаль, что разговор заканчивается так быстро. Я еще не успел насладиться ситуацией. Однако, пока я завариваю себе кофе, снова звонит телефон, на этот раз домашний. К счастью, трубка оказывается на кухне, и я поспешно ее хватаю, чтобы не разбудить измотанную мной до беспамятства девушку в соседней комнате.

— Алло? — неуверенно вопрошает тот же самый голос.

— Я Вас слушаю.

— Снова Вы? — в голосе шефа появляется удивление и даже раздражение.

— Вам что-то нужно? — без особого энтузиазма интересуюсь я, закинув в рот печенье и громко хрустя им в трубку.

— Мне нужна Ника.

— Ника спит, и я не стану ее беспокоить, — без колебаний заявляю я, реально ощущая себя в этот момент собственником и хозяином положения.

— А кто Вы, собственно, такой? — наконец-то закипает задетый за живое мистер Безупречная Репутация.

— Могу Вам задать тот же самый вопрос, — не сбавляю оборотов я.

— Я ее начальник.

— Тот козел, который ее вчера уволил? Тогда больше не начальник.

В трубке повисает напряженная пауза, и я наслаждаюсь каждой ее секундой.

— Что Вы себе позволяете? — взрывается этот напыщенный петух. Едва ли он привык к такому обращению, скорее всего, убежден, что все, кто лижет ему задницу каждый день, искренне им восхищаются.

— Ничего такого, о чем стал бы потом жалеть, — презрительно заявляю я.

— А не боишься, что твоя подружка потом пожалеет? — вдруг выдает он, и вот тут-то выводит меня из себя. Возможно, это именно то, чего я ждал. Стоило лишь слегка его задеть, как он тут же обнажил свою гнусную трусливую природу, как вскрытый гнойник.

— О, так ты уже угрожаешь, папаша? — нахально и ехидненько усмехаюсь я. — Не слишком ли смело для добропорядочного отца семейства, крутящего интрижки с собственным бухгалтером?

Похоже, мои слова находят цель и поражают ее еще на несколько секунд. Потом из этого урода изливаются новые потоки грязи.

— Слушай, ты, говнюк недоделанный! Понятия не имею, кто ты такой, но не советую разговаривать со мной в таком тоне. Если Ника не свяжется со мной в ближайшие пару часов, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Насчет последнего ты прав — ничего хорошего для тебя не выйдет точно, если ты меня разозлишь, и я сгоряча отправлю твоей силиконовой женушке скрины весьма любопытной пламенной переписки. Напомни-ка, что там было про голубые трусики и сладкую киску «моего солнышка»? Уверен, что мозги у твоей барби все-таки не силиконовые, и она быстро сообразит, как тебя поиметь, уличив в измене. А я даже распечатки с ВК заверю нотариально и пришлю ей в конвертике, чтобы она все смогла приложить к делу в лучшем виде.

— Да какого... — рычит этот придурок, но тут же осекается. — Чего тебе нужно?

А вот это уже правильный вопрос.

— От такого мерзкого козла как ты? Только одного — отстань от Ники. Чтобы все номера ее забыл, все контакты и домашний адрес тоже. Это ясно?

Связь отключается, а я еще какое-то время молча пялюсь в телефон и мысленно взвешиваю, правильно ли я поступил и не мог ли навредить таким поведением Нике, затем стираю последний звонок из входящих с ее мобильного. За те несколько лет, что я один выживал в Москве, я смог убедиться, что могу доверять собственной интуиции и чутью. И то, и другое мне сейчас подсказывает, что этот тип не опасен, потому что труслив и слишком дорожит собственным благополучием и покоем. Ничего страшного — немного пострадает из-за раздавленного тщеславия, а потом найдет себе новую куклу для развлечений, еще краше прежней. Не хочу, чтобы это была Ника. Уверен, что сама она к нему теперь не сунется, но нужно было удостовериться, что и он будет держаться на расстоянии и не даст задний ход.

Ха... Только вот не понятно, какое место в этой до боли банальной и старой как сам мир истории отведено мне? Если задуматься, я, пожалуй, впервые вот так откровенно и нагло по собственной воле вломился в чужую жизнь и захотел что-то изменить к лучшему и кого-то защитить. Значит это что-нибудь? Или так вышло случайно по воле providения, в которое я ни черта не верю? Собственно, я не верю ни во что и ни в кого, кроме себя. Наверное, поэтому мне так хочется бежать отсюда... Снова бежать, чтобы не привязаться, чтобы не привыкнуть к теплу, не довериться, не поверить и потом не страдать, как страдают вокруг все люди, зачем-то тянущиеся друг к другу, предающие и обманывающиеся.

Пока пью крепкий сладкий кофе со сливками, нахожу огарок большой красной свечи и задумчиво изучаю его пальцами. Горько усмехаюсь и понимаю, что мне здесь больше делать нечего, если я не хочу сотворить кучу проблем себе и Нике. Мы не созданы друг для друга. Может, встречу такую, как она, в следующей жизни, когда я чего-то добьюсь. И, может быть, тогда у нас будет шанс стать не такими как большинство, а счастливыми.

Через некоторое время бесшумно пробираюсь в комнату и одеваюсь. Прежде чем уйти, бросаю последний взгляд на обнаженную спящую красавицу, растянувшуюся на постели, как довольная рыжая кошка, и запутавшуюся в своих буйных кудрях. Соблазн трахнуть ее напоследок очень велик, но я уже все решил и не собираюсь менять свои планы.

Мороз слегка спал, но снег все продолжает сыпать, будто кто-то на небесах разгневался и решил искромсать в пух облака, и они теперь падают на землю рваными клочьями и перьями, укутывая все белой тишиной. Под ногами хрустит снежный настил, а лицо быстро немеет от холода. Зато в голове стало ясно от кристального утреннего воздуха. Невольно прибавляю шаг, прикинув по навигатору, в какой стороне метро. Иду через дворы не только потому, что так быстрее, но еще из-за того, что они чище и безлюднее, в них все вокруг мерцает серебром и слепит глаза белизной.

Проходя мимо какой-то унылой пятиэтажки, вдруг слышу слабый писк из полуподвального окошка. Даже странно, что обратил внимание на нечто подобное, но еще более странно, что я вдруг разворачиваюсь и иду назад, чтобы проверить, что там такое. Окно, идущее вровень с землей, зарешечено и застеклено, но у одной маленькой квадратной створки стекло выбито и она зияет черным оскалившимся провалом. Из этой черноты наружу смотрят два сверкающих зеленых слегка опалевших от страха и удивления глаза. Немного прищуриваюсь, чтобы взглядеться, кому же они принадлежат, но приближаться уже не спешу, чтобы не спугнуть принимающееся к запахам нового неизведанного мира создание. Через некоторое время наружу высовывается маленькая черная мордочка, которая жмурится от ослепительного зимнего пейзажа.

Как я и думал, это котенок, еще слишком маленький и несмышленный для того, чтобы

отличить меня от окружающих предметов. Должно быть, он вылез из теплого угла в подвале, ведомый врожденным любопытством. Думаю, мать скоро его отыщет и отнесет обратно, в облюбованное ей гнездышко где-нибудь под трубами горячего водоснабжения. Только вот едва ли ей теперь удастся удержать его от естественной тяги к авантюрам, по крайней мере до тех пор, пока он не испытает на себе жестокость и боль. Повинуясь какому-то детскому порыву, я мысленно примериваюсь, как бы поймать этот шерстистый черный комочек, причем сразу, пока котенок не успеет испугаться и нырнуть в свое надежное укрытие. Внимательно наблюдаю, как он несмело переступает лапками через оконную раму с выбитым стеклом, а затем трогает лапкой снег и тут же ее отдергивает и трясет. Да уж — холод что надо... Тем не менее, маленький исследователь делает еще шаг, затем еще, пока наконец-то не попадает в поле моей досягаемости. Я нагибаюсь и молниеносно накрываю его рукой, прижимая к земле и чувствуя, как он буквально подпрыгивает от неожиданности и напрягает все мышцы. Я подхватываю его другой рукой снизу и поднимаю к лицу, чтобы рассмотреть. «Ну, привет!» До смерти перепугавшийся малыш пищит изо всех сил. В зеленых округлившись глазах — непонимание и ужас. Тельце у зверька тощее, шерсть черная, короткая и гладкая, нос и подушечки на растопыренных тонких лапках — тоже черные, а хвостик напоминает крысиный.

— Так ты еще и девчонка! Не удивительно, что такая визгливая. Может, взять тебя с собой? — усмехаюсь этой неожиданно озвученной идее, а котенок только жалобно мяукает в ответ. — А что? Мне не мешает компания. Должен же я учиться поддерживать длительные отношения с девушками и брать на себя ответственность за кого-то. Хотя... честно тебе признаюсь, под моей чуткой заботой даже подаренный кактус сдох...

Вздыхаю в раздумье, сую пищащего котенка за пазуху и, придерживая его одной рукой, спешу дальше к метро. Буквально через минуту котенок пригревается и замолкает, только его сердце еще долго продолжает трепыхаться, как бешенное. Блин, это животное ведь еще наверняка блохастое... Правда, эту мысль я уже воспринимаю как данность, а не как аргумент, чтобы передумать...

***

Сегодня, впервые за несколько дней, прошедших после увольнения, после расставания с Володей и после потрясающей ночи, проведенной с незнакомым мне парнем по имени Макс, мне кажется, что я чувствую себя в своей тарелке. Конечно, ничего еще не наладилось, все в моей жизни непривычно, непредсказуемо и неопределенно, но я, кажется, начинаю к этому привыкать и даже ловить кайф. Во всяком случае, сегодняшняя встреча в баре с подружками прошла улетно, я выиграла у всех две партии в боулинг, продула все партии в бильярд, пропустила несколько стаканчиков каких-то сомнительных коктейлей и немного расслабилась, выслушав исповеди девчонок об их несчастьях и, конечно же, немного исповедовавшись сама. Если честно, я не очень-то люблю откровенничать, особенно в больших шумных компаниях, да и чужие откровения меня частенько смущают, главным образом из-за всяких очень личных подробностей. Так что многое из своей истории я утаила, обойдясь общими описаниями или даже намеками. Так, воспоминания о дерзком воришке я оставила только для себя, предпочтя его не упоминать. К счастью, девчонки давно уже привыкли к моей скрытности и особенно меня не пытали. Разве что Наташка заметила, что, несмотря на все мои беды, выгляжу я посвежевшей, да и глаза у меня горят так, как давно

уже не горели.

Признаться, горели у меня далеко не только глаза. Стоило мне вспомнить о ненасытных губах Макса, о его умелых руках, о его ласкающем слух жарком шепоте, не говоря уже о потрясающе сложенном теле, как пылать начинала вся кожа, периодически покрываясь мурашками то тут, то там, и спокойно усидеть на месте становилось просто невозможно из-за волнующих и совершенно бессовестных ощущений в трусиках. Бывали моменты, когда воспоминания о нем полностью вырывали меня из действительности. Я только делала вид, что слушаю своих собеседниц, что соперечаю происходящему или тому, что они рассказывали, а на самом деле предавалась фантазиям, позволяющим воспроизвести все мельчайшие детали того, что между нами происходило. Он ведь не оставлял меня в покое даже во сне, когда мне казалось, что сил и неутоленных желаний уже не осталось. Однако всякий раз, проявляя настойчивость и терпение, он превращал наши ласки в умелую игру, которая затягивала меня целиком, сводила с ума и доводила до пределов блаженства. Если бы мои подружки не были так увлечены друг другом, скорее всего они заметили бы, как иногда неосознанно изгибаются в мечтательной улыбке мои губы, как пылают щеки и как я беспокойно перебираю пальцами свои непокорные золотые локоны.

Возможно, именно из-за этих сладостных воспоминаний мне в итоге не захотелось заказывать такси, и я предпочла возвращаться домой своим ходом, нетерпеливо дожидаясь, пока Наташка и Алена перейдут на свои ветки и оставят меня наедине со своими мыслями. Только вот теперь, опять оказавшись в одиночестве, я вновь ощущаю подкатывающий к горлу ком. Обиды и унижения не так быстро забываются, как того хотелось бы, поэтому последний день на рабочем месте тоже не дает мне покоя. Ледяной тон Володи, деловая и до предела напряженная атмосфера в офисе, осознание своего фиаско, ну и, конечно, последние слова шефа: «Все, Вероника Александровна, Вы свободны. Зайдите перед уходом в отдел кадров». И это все. Мы даже не попрощались, потому что он избегал встречи со мной, а я не искала встречи с ним.

Я кусаю губы и стараюсь разозлиться, чтобы не заплакать в общественном месте. Сегодня у меня легкий, но очень миленький макияж, и его совсем не хотелось бы портить. Только вот не уверена, что это убедительный аргумент для сердца, разрывающегося от боли. Чтобы отвлечься, пытаюсь поразмышлять о том, как же этот дерзкий преступник, Макс, вытягивает кошельки у своих жертв. Должно быть, его внешность ни у кого не вызывает подозрений — холеный, модный мальчик, не бедный на вид, ослепительно красивый и чарующе обаятельный. Мда... у жертв точно нет ни единого шанса его раскусить... Это сколько же человек он должен обирать и как часто, чтобы вести в столице жизнь беспечного студента? Стараюсь думать о нем как о преступнике, над которым постоянно висит угроза быть пойманным, пытаюсь прикинуть, что ему грозит, если кто-то поймает его с поличным, но только все равно все это не укладывается у меня в голове, я просто не могу думать о нем как о хладнокровном злодее. Может быть, я всего лишь сентиментальная глупышка, которая повелась на его красоту, нежность, страсть, но в особенности на это сердечко в сейфе и на цветы... но я все равно ничего не могу с собой поделаться — я мысленно его оправдываю и я по нему скучаю... Теперь мне уже кажется, что даже сожженные свечи, и те в его пользу... В конце концов, черт бы с ними... Какой смысл коллекционировать то, что по своему определению предназначено огню? К тому же атмосфера в ту ночь действительно получилась сказочная...

Иду по заснеженным дворам и думаю о том, что завтра Новый Год, который собираюсь

провести у родителей. Приедет моя старшая сестра с мужем и детьми, приедут папины братья и их семьи, еще будут мамины подруги с мужьями, итого гостей наберется человек пятнадцать, если не двадцать. Короче завтрашний день с самого утра будет суматошным, и я проведу его на кухне, а новогодняя ночь пройдет очень шумно, хотя и очень предсказуемо — традиционный стол, традиционные тосты, смех и визги детей, неожиданно появившиеся под елкой подарки в двенадцать ночи и телевизор где-то на заднем фоне. Вопросов о личной жизни, конечно же, тоже будет не избежать... Надеюсь, я не разревусь у всех на глазах, глядя на счастливые семейные пары... А сегодня нужно будет еще раз проверить списки подарков — не забыла ли я о ком-нибудь. Эти приятные хлопоты, да еще, пожалуй, украшенный к Новому Году город немного помогают настроиться на нужный лад.

В подъезде сразу достаю ключи, приветливо здороваюсь со встретившимися соседями и обмениваюсь с ними поздравлениями. В лифте внимательно разглядываю себя в зеркале: на удивление хороша, несмотря на все перипетии. Медовые волосы струятся шелковистыми локонами, щеки пылают от мороза, оливковые глаза, все еще влажные от постоянно наворачивающихся слез, блестят. Закусываю край нижней пухлой губки и верчусь во все стороны, сокрушаясь, что такой красотой сегодня больше никто не будет наслаждаться. Потом вздыхаю и осуждающе мотаю головой, пытаюсь вытряхнуть из нее всякие глупости.

Пока вожусь с дверным замком, вдруг понимаю, что выпитый алкоголь все-таки возымел свое действие, потому что в теле наблюдается приятная слабость. Возможно, поэтому я совершенно потеряла бдительность, не смотрю по сторонам, не прислушиваюсь к посторонним звукам, не придаю никакого значения тому, что на лестничном пролете за моей спиной напротив моей квартиры не горит свет. Едва я успеваю приоткрыть дверь и вынуть ключи из замочной скважины, как кто-то большой и сильный налетает на меня сзади, одной рукой обхватывает за талию, стискивая железным кольцом объятий мои руки, другой зажимает мне рот, глуша рвущийся наружу крик ужаса. Когда меня проталкивают во тьму собственной квартиры, ноги у меня заплетаются, поэтому нападающий легко приподнимает меня над полом, пронося внутрь и, видимо, ногой захлопывает за собой дверь. Все это длится пару секунд, не больше. Я мычу и вырываюсь, сердце бьется где-то в горле, глаза широко распахнуты, в голове ни одной мысли — только паника, недоумение и парализующий лихорадящий страх.

— Сама отдашь все ценное, что есть в квартире, или тебе помочь? — горячо шепчет мне в ухо голос незнакомца, а затем он медленно убирает руку от моего рта и перемещает ее ниже, на горло. Большим пальцем он поглаживает мои губы и поворачивает мою голову вправо за подбородок. Чувствую, как мою холодную с мороза кожу покрывают влажные пылкие поцелуи, а вторая рука мужчины забирается под куртку-пуховик и проскальзывает спереди в узкие джинсы.

— Черт! Черт! Макс! — вскрикиваю я, все еще дрожа с ног до головы от перенесенного шока. Тело не слушается меня, воздуха не хватает, даже свой срывающийся ослабший голос не узнаю — так он изменился. — Я могла умереть от разрыва сердца!

— Да ладно! — как ни в чем не бывало насмехается он и ловко расстегивает мои джинсы, чтобы ничто не мешало его развратным действиям. — Тебе же, кажется, двадцать семь, а не сорок. В твоем возрасте может быть страшен только целлюлит.

— У меня нет никакого целлюлита! — возмущаюсь я, едва сдерживая нервный смех, наконец совершенно убедившись в том, с кем я имею дело. — А инфаркт точно случится у моей мамы, если она узнает, с кем я теперь связалась.

Сильные руки грубо хватают меня за куртку и рывком разворачивают на сто восемьдесят градусов, а затем впечатывают спиной во входную дверь. Передо мной действительно Макс, все такой же блистательно великолепный и, похоже, сгорающий от страсти и нетерпения.

— Я знаю, что у тебя нет целлюлита. Только поэтому я здесь, — нагло заявляет он, расстегивает молнию на моей куртке и срывает ее, позволив упасть на пол. — А маме можем сказать, что я не вор, а стриптизер, как вариант.

Его искривленный в усмешке рот впивается в мой, причиняет боль, ласкает и дразнит, снова делает больно и отстраняется на время, пока Макс снимает свою дубленку и отбрасывает прочь.

— А есть еще какие-нибудь варианты? — смеюсь я.

— Рок-звезда? — с наигранной серьезностью предлагает Макс и снимает с себя свитер, демонстрируя восхитительный спортивный торс. Ох, блин, он же прекрасно понимает, что тянет на звезду! Он приближается вновь, на этот раз не так стремительно, и терпеливо разматывает мой шарф. Его руки проскальзывают под мой пуловер сзади, поглаживают спину и ловко расстегивают бюстгальтер.

— Может, хотя бы официант или бармен?

— В стриптиз-клубе. Там чаевые больше.

Наша одежда летит на пол во все стороны, губы исследуют друг друга в темноте, руки сплетаются, дыхания смешиваются в одно. У нас даже не хватает выдержки на какие-либо изыски. Макс просто увлекает меня на диван, стягивает с меня трусики и, вскользь целуя ноги, вжимает в мягкие подушки своим телом, затем входит в меня рывком, не отвлекаясь ни на какие нежности, сейчас нам обоим не до этого после долгой разлуки. Он ловит мой вызывающе обольстительный взгляд и не отпускает его все время, пока его бедра двигаются медленно и неровно, словно дразнят или заставляют подчиниться. Мои жалобные стоны и судорожные вздохи явно доставляют ему наслаждение, потому что он специально изводит меня то мучительными паузами, то глубокими сильными толчками, от которых я совсем теряю самоконтроль, а по телу проносятся то вихри ледяных мурашек, то наплывы горячих волн. Я вся прогибаюсь ему навстречу, обвиваю ногами его красивый торс и до боли закусываю губу, а он приподнимается надо мной на сильных руках и начинает двигаться мощно и стремительно, напоминая мне неумолимого и опасного тигра, овладевшего пойманной им тигрицей. От одного его звериного облика можно испытать оргазм, но я, конечно, не стану говорить ему такие комплименты, чтобы в конец не зазнался. Закидываю руки назад, показывая свою полную покорность, и он тут же перехватывает их и крепко вдавливают в мягкий подлокотник дивана. Мне остается только полностью отдаться его воле, метаться под ним и под его пожирающим взглядом, словно в агонии, и нетерпеливо вонзать острые коготки в собственные ладони. Стоит мне лишь на миг вспомнить, как его дерзкие губы всего несколько дней назад изводили долгой томительной лаской мою киску, спазм удовольствия пронизывает меня всю, заставляя вздрагивать и извиваться. Любуясь своей работой, Макс замедляется и нежно пробегается пальцами по моей щеке, шее, груди и животу.

— Хорошая кошечка, — удовлетворенно шепчет он.

— Хороший котик, — сладко шепчу я, облизывая пересохшие губки и тянусь к нему.

Макс склоняется ко мне, награждает долгим нежным поцелуем и тут же начинает вновь врезаться в меня неистово и стремительно, тяжело дыша мне в ухо, пока не взрывается и не

издает ласкающий мой слух дикий рык. Я мягко поглаживаю его взъерошенные волосы и целую в шею.

— Ты в курсе, что это кража со взломом? — мурлыкаю я ему на ушко, когда он, уставший и довольный, наваливается на меня всем своим весом, тяжело дыша и оглушая меня ударами своего сердца. — Кажется, за это дают больше, чем за карманные грабежи.

— Тогда заодно учти еще длительное удержание в неволе и изнасилования, многократные и жестокие, потому что я не собираюсь выпускать тебя в течение всех праздников как минимум, даже если взмолишься о пощаде.

— Каникулы с сексуальным маньяком — идея очень заманчивая, но, боюсь, что на Новый Год я не смогу остаться — меня дома ждут родители и куча родственников и друзей. Завтра я должна быть там с самого утра. Но... — я на миг затаиваю дыхание, — ты можешь пойти со мной, если хочешь...

— Почему бы и нет? — без промедления и без тени сомнения отвечает Макс. — Я обычно произвожу положительное впечатление на предков.

— При твоём самомнении тебе, скорее всего, при любом раскладе кажется, что ты неотразим.

— Что же я могу поделаться, если я такой красавчик? — смеется он и целует меня в нос.

За окном снова тихо падает снег. Ему нет дела до страстей и драм, бушующих за миллионами городских окон. Мне тоже совсем не хочется думать ни о прошлом, ни о будущем. Хочется только до опьянения наслаждаться компанией мужчины, который так неожиданно ворвался в мою жизнь без спроса, как необъяснимым образом появляются под елкой сюрпризы на Новый Год или Рождество. Пытаясь представить себе, как мы завтра станем отвечать на предсказуемые вопросы вроде «А где вы познакомились?» и «Как давно вы встречаетесь?», мои щеки вспыхивают, а на губах играет коварная и заговорщическая улыбочка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net